

Зильбер. Первый дневник сновидений

Автор:

[Керстин Гир](#)

Зильбер. Первый дневник сновидений

Керстин Гир

Зильбер #1

С тех пор, как я переехала сюда, со мной начали происходить странные вещи.

Почему я вижу во сне то, о чём никогда не могла даже слышать? И кажется, эти сны вместе со мной видят ещё несколько человек. Потому что они знают обо мне то, о чём я никогда не упоминала наяву.

В одном из снов четыре парня, с которыми я хожу с некоторых пор в одну школу, проводят мрачный ритуал, призывая демона. Удивительно, но они верят в него не только во сне! Ведь он исполняет их самые сокровенные желания... наяву.

Почему эти сны начали видеться именно мне? Существует ли демон ночи на самом деле или он – просто выдумка? Как связаны события, случающиеся со мной в реальной жизни, с тем, что происходит во сне? Я очень хочу разгадать все эти загадки...

Меня зовут Лив Зильбер. И это – мой первый дневник сновидений.

Керстин Гир

Зильбер. Первый дневник сновидений

Original published as: Silber. Das erste Buch der Traume»

© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main 2013

© ООО «Издательство Робинс», издание на русском языке, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Для Ф.

Всегда приятно мечтать вместе с тобой.

Что, если ты

Во сне,

В обычном самом,

Что, если ты

Во сне своём,

Самом обычном,

Попал на небеса

И там сорвал цветок

И странный, и красивый.

Что, если ты,

Проснувшись,

Увидишь сей цветок в своей руке?

Что, если?..

Сэмюэль Тейлор Кольридж

Глава первая

Собака старательно обнюхивала мой чемодан. Для профессиональной ищейки она была уж слишком пушистой, наверное, метис ховаварта. Только я хотела почесать её за ушком, как ищейка обнажила зубы и угрожающе гавкнула. Затем она уселась и стала яростно тыкать носом в крышку моего чемодана. Таможенник, казалось, был удивлён не меньше, чем я. Он поглядел сначала на собаку, затем на меня после опять перевёл взгляд на собаку и снова на меня, и лишь после этого, протянув руку к чемодану, пробормотал:

– Ну что ж, давайте-ка поглядим, что там унюхала наша Амбер.

Отлично, ничего не скажешь. И получаса не прошло с того момента, как я ступила на британскую землю, и вот – меня уже подозревают в контрабанде наркотиков. Настоящие контрабандисты, если таковые были в очереди следом за мной, наверняка веселились сейчас от всей души. Ведь благодаря мне они могли теперь вполне безнаказанно провозить свои швейцарские часы и элитные

наркотики. Ну какой таможенник в здравом уме будет вызывать на дополнительную проверку пятнадцатилетнюю девчонку со светлыми собранными в пучок волосами? Нет чтобы как следует осмотреть сумки, например, у вон того нервного типа с перекошенным лицом! Или у этого подозрительно бледного парня с всклокоченными волосами, который в самолёте захрапел раньше, чем мы успели оторваться от взлётной полосы. Не удивительно, что он улыбается теперь так злорадно. У него, наверное, в каждом кармане и в каждой сумке припрятано нелегальное снотворное.

Но я решила, что не дам так легко испортить себе настроение, ведь за перегородкой меня ждала удивительная и прекрасная новая жизнь, а также новый дом, именно такой, о котором мы всегда мечтали.

Я кивнула Мие, своей младшей сестрёнке, давая понять, что всё хорошо. Мия ждала меня в зале прилёта, нервно подпрыгивая от нетерпения. Всё в порядке. У нас нет причин волноваться. Это всего лишь последнее препятствие, отделяющее нас от вышеупомянутой волшебной новой жизни. Полёт прошёл просто превосходно, самолёт летел плавно, не попадая ни в какие зоны турбулентности, поэтому Мию не тошнило. А мне, в качестве исключения, даже повезло с соседом – рядом со мной не сидел какой-нибудь воняющий пивом толстяк, у которого приходилось бы отвоёвывать каждый сантиметр подлокотника. Папа, конечно, снова купил билет на рейс одной из этих дешёвых авиакомпаний, которые, наверное, постоянно экономят на топливе. Перед посадкой в Хитроу для приземления нам пришлось сделать несколько кругов, но никаких сложностей не возникло. А ещё в другом ряду передо мной сидел этот симпатичный темноволосый парень, он так нарочито заметно оборачивался и даже улыбнулся мне. Я уже чуть было с ним не заговорила, но тут он вытащил журнал о футболе и, листая его, зашевелил губами, словно какой-нибудь первоклассник на уроке чтения. Кстати, именно этот парнишка теперь с любопытством разглядывал мой чемодан. Все остальные тоже уставились на мой несчастный багаж.

Я сделала большие глаза и улыбнулась таможеннику самой миленькой из своих улыбок.

– Прошу... У нас совсем нет времени, самолёт и так опоздал, а нам ещё пришлось целую вечность ждать чемоданы. Там снаружи меня ждут мама и младшая сестра. Честное слово, в моём чемодане нет ничего, кроме грязной одежды и... – Именно в этот момент меня вдруг осенило. Я поняла, что именно лежало в

чемодане, поэтому и запнулась на полуслове. – Во всяком случае, наркотиков там нет, – закончила я немного неуверенно и с упрёком поглядела на собаку. Что за глупое животное!

Непреклонный таможенник водрузил мой чемодан на стол, затем потянул молнию и открыл его. Всем присутствующим тут же стало ясно, что именно унюхала собака. Честно говоря, особо тонкого обоняния для этого не требовалось.

– Что, чёрт возьми..? – спросил таможенник, а его помощник, брезгливо сморщив нос, кончиками пальцев ворошил мою одежду. Со стороны казалось, что мои вещи издают просто кошмарный запах.

– Сыр с плесенью из Энтлебуха, – пояснила я, при этом лицо у меня стало, наверное, такого же алого цвета, как банка колы, которую держал в руках мужчина передо мной. – Два с половиной килограмма швейцарского сыра с плесенью, – раньше я не замечала, чтобы он так сильно вонял. – На вкус он получше, чем на запах, честно.

Амбер, глупую псину, просто трясло от возбуждения. Со всех сторон до меня доносилось хихиканье, настоящие контрабандисты сейчас наверняка потирали руки. Чем был занят темноволосый парень, мне лучше не знать. Наверное, он был сейчас несказанно рад, что я не попросила у него номер телефона.

– Вот это поистине гениальная маскировка для любых наркотиков, – сказал кто-то прямо за нами.

Я поглядела на Мию и тяжело вздохнула. Мия вздохнула в ответ. Нам действительно нужно было поторапливаться.

Какими же наивными мы были, полагая, что от новой волшебной жизни нас отделяют лишь два с половиной килограмма вонючего сыра. На самом деле, сыр только продлевал время, пока мы твёрдо верили, что чудесная жизнь вот-вот начнётся.

Наверное, остальные девчонки мечтают о совсем других вещах, но мы с Мией ничего так не желали, как настоящего домашнего уюта. И чтобы уют этот продолжался дольше, чем год. И с отдельной комнатой для каждой из нас.

Сегодня состоялся наш шестой переезд за последние восемь лет. Мы уже поменяли шесть стран на четырёх континентах, шесть раз были новенькими в шести разных школах, шесть раз заводили новых друзей и шесть раз прощались. Мы стали настоящими специалистами по упаковке и распаковке чемоданов, а наши пожитки пришлось ограничить до минимума. Несложно догадаться, почему ни я, ни Мия не играли на фортепиано.

Наша мама – литературовед с двумя докторскими степенями. Почти каждый год она заключала контракт с новым университетом. Ещё в июне мы жили в Претории, до этого в Утрехте, Беркли, в индийском Хайдарабаде, а ещё раньше – в Эдинбурге и Мюнхене. Наши родители развелись семь лет назад. Папа – инженер с таким же беспокойно-непоседливым характером, он переезжал с места на место так же часто, как и мама. Значит, нам и мечтать было нечего о том, чтобы провести летние каникулы несколько лет подряд в одном и том же городе. На лето мы всегда вынуждены были ехать туда, где на данный момент работал папа. Сейчас он, например, жил в Цюрихе, и наши каникулы, в виде исключения, прошли вполне сносно и даже радостно (мы катались на лыжах в горах и были в биосферном заповеднике Энтлебух), но, к сожалению, не все места, где папа жил, оказывались такими прекрасными. Иногда Лотти говорила, что мы должны быть благодарны нашим родителям за то, что они показали нам целый мир, но, честно говоря, когда приходится проводить лето на окраине промышленного района Братиславы, чувство благодарности как-то ослабевает.

В первом семестре этого года мама должна была преподавать в колледже Магдалины в Оксфорде, при этом исполнялось её заветное желание, ведь она столько лет мечтала о контракте с Оксфордом. Кроме того, сняв за городом маленький коттедж восемнадцатого века, она осуществила ещё и нашу мечту. Наконец-то мы где-то осядем, и у нас будет настоящий дом. На рекламном плакате коттедж выглядел романтично и уютно, вид у него был такой, будто от подвала и до самого чердака он битком набит всякими страшными волшебными тайнами. Вокруг дома раскинулся большой сад со старыми деревьями, сбоку стоял ветхий сарай, а из окон второго этажа было видно Темзу, по крайней мере, зимой. Лотти собиралась разбить вокруг дома огород, выращивать овощи, самой варить джем и вступить в сообщество крестьянок. Мия хотела устроить дом на дереве, раздобыть лодку с вёслами и приручить сову. А я мечтала найти на чердаке сундук со старыми письмами и разведать, какие же секреты скрывает дом. Кроме того, нам так хотелось повесить на ветку дерева качели. Для этого отлично подошла бы старая ржавая металлическая кровать, на которой можно было бы раскачиваться и смотреть в небо. Как минимум через день мы

устроивали бы настоящий английский пикник, а дом наполнялся бы запахом кексов, которые Лотти пекла бы сама. Ещё мы готовили бы сырную фондю, потому что наш старый добрый сыр с плесенью из Энтлебуха таможенники прямо у нас на глазах раскрошили на такие мелкие кусочки, что вряд ли он годился бы теперь в пищу.

Когда мы наконец-то вышли из аэропорта (к слову, ввоз в Великобританию двух с половиной килограммов сыра с плесенью для собственного употребления не противоречил никаким правилам, только вот подарить его Лотти в таком состоянии мы уже не могли), маме меньше чем за минуту удалось всё устроить именно так, чтобы наша мечта о деревенской жизни лопнула как мыльный пузырь.

– Мышата, в нашем плане появились кое-какие изменения, – сказала она, поздоровавшись. При этом мама ослепительно улыбалась, но по лицу отчётливо было видно, что её мучает совесть.

Сзади к ней приблизился какой-то мужчина с пустой багажной тележкой, и, даже не разглядев его как следует, я уже знала наверняка, кто это был – изменения собственной персоной.

– Ненавижу изменения, – пробормотала Мия.

Мама всё ещё натужно улыбалась.

– Эти изменения вам понравятся, вот увидите, – соврала она. – Добро пожаловать в Лондон, самый дождливый город на планете.

– Добро пожаловать домой, – добавил мистер Изменения, голос у него оказался тёплым и глубоким. Затем наш новый знакомый погрузил чемоданы в тележку, и мы пошли.

Я тоже ненавидела изменения. До глубины души.

Глава вторая

В первую лондонскую ночь мне приснились Гензель и Гретель. Точнее говоря, мы с Мией были Гензелем и Гретель, а мама завела нас в лес.

– Это для вашего же блага! – сказала она и скрылась в чаще.

Мы с бедной маленькой Гретель беспомощно блуждали среди деревьев, пока не набрали на страшный пряничный дом. К счастью, я успела проснуться прежде, чем к нам вышла злая ведьма. Я вздохнула с облегчением, но тут же вспомнила, что сон не так уж далёк от нашей новой реальности. Вчера мама раз семнадцать повторила фразу: «Это для вашего же блага!».

Я до сих пор так сильно злилась на неё, что могла хоть сто лет без передышки скрежетать зубами от ярости.

Мне уже давно не нужно было объяснять, что люди за сорок тоже имеют право на насыщенную личную жизнь, но неужели так сложно подождать с этим, пока мы подрастём? Ещё пара-тройка лет погоды не сделает. Неужели обязательно переворачивать вверх тормашками всю нашу жизнь? Могла бы хоть спросить, что мы об этом думаем!

Кстати, на самом деле мистера Изменения звали Эрнестом Спенсером, вчера вечером он привёз нас сюда на своей машине и всю дорогу непринуждённо болтал о чём-то, будто не замечая, что мы с Мией едва сдерживаем слёзы от ярости и разочарования. (Ехали мы из аэропорта в город довольно долго.) И лишь когда Эрнест достал из багажника чемодан, а за ним и пластиковый пакет с сыром, к Мие снова вернулся дар речи.

– Нет-нет, – сказала она, подобрав самую сладкую из своих улыбок, и вернула ему пакет. – Это для вас. Гостинец из Швейцарии.

Эрнест и мама восторженно переглянулись.

– Спасибо, как это мило с вашей стороны!

Мы с Мией злорадно улыбнулись – да уж, хоть один приятный момент за весь вечер. Мама подарила Эрнесту прощальный поцелуй, и вместе со своим вонючим раскромсанным сыром он отправился домой, предварительно сообщив, что с большим нетерпением ждёт завтрашнего вечера. На завтра мы были приглашены к нему домой, чтобы познакомиться с его детьми.

– Мы тоже ждём не дождёмся завтрашнего дня, – сказала мама.

Ага. Ну конечно.

Нам мистер Эрнест «Мой-характер-полностью-соответствует-моему-супер-устаревшему-имени» Спенсер показался подозрительным с той минуты, как он переступил порог нашего дома. Даже его подарки свидетельствовали о том, насколько серьёзные намерения он питал по отношению к маме. Как правило, мамины мужчины не очень-то горели желанием понравиться нам, даже напротив, до Эрнеста все они делали вид, что нас просто-напросто не существует. Но этот Эрнест не только принёс букет для мамы, а вручил Лотти коробку её любимых шоколадных конфет, мне – книгу о тайных посланиях, шифрах и их разгадках, которая, кстати, действительно показалась мне необычайно интересной. Только вот с Мией он чуточку прогадал – для неё он раздобыл книгу под названием «Морин, девочка-сыщик». Будь Мия года на два младше, подарок пришёлся бы ей вполне по вкусу, однако в свои почти тринадцать для такой книги она была несколько старовата. Но сам факт – Эрнест поинтересовался, чем мы увлекаемся, – вызывал подозрение.

Так или иначе, мама была просто без ума от него. Понятия не имею почему. Явно не из-за прекрасной внешности – Эрнест был лысым, с огромными ушами и слишком белыми зубами. Но Лотти упрямо твердила, что Эрнест тем не менее – мужчина привлекательной наружности. Мы, к сожалению, её точку зрения разделить не могли. Ну, возможно, у него были красивые глаза, но кто обратит внимания на глаза при таких-то ушищах? Кроме того, Эрнест был стар как мир, было ему лет пятьдесят или даже больше. Жена его умерла около десяти лет назад, и он с двумя детьми жил в Лондоне. История оказалась правдой, мы с Мией (маленьким детективом) тут же проверили это в Гугле. Гугл был отлично знаком с Эрнестом Спенсером, потому что тот работал юристом, был одним из звёздных адвокатов, которые проскакивали на каждом снимке папарацци, будь то репортаж из зала суда или с красной дорожки.

А его покойная супруга занимала почётное двести первое (примерно) место в очередности наследования престола, поэтому Эрнест вращался в самых высших кругах английского общества. Именно благодаря его связям мама получила возможность преподавать в Оксфорде. По теории вероятности встреча мамы и Эрнеста состояться не могла. Но подлое стечение обстоятельств и специализация Эрнеста – международное экономическое право – привели его полгода назад в Преторию, где на вечеринке он познакомился с мамой. А мы ещё и подначивали её пойти на эту вечеринку, эх, где только были наши головы. Нам так хотелось, чтобы она хоть немного развеялась, вышла в люди. И пожалуйста – теперь приходится расхлёбывать последствия.

– погоди, рыбка моя! – Лотти тянула вниз и в стороны мою юбку, но безуспешно. Школьный костюм всё равно оставался сантиметров на десять короче нормы.

Лотти Вастельхубер поселилась у нас двенадцать лет назад, она приехала, чтобы работать нянечкой (Au Pair[1 - Au Pair – франц. «обоюдный», термин, который применяется для обозначения людей, живущих в чужой стране в принявшей их семье и делающих определённую работу (чаще всего это воспитание детей). – Здесь и далее прим. ред.]), и просто осталась. К счастью для нас. Иначе мы питались бы исключительно бутербродами, потому что мама частенько вообще забывала поесть, да и готовить ненавидела. Без Лотти некому было бы заплетать нам мудрёные косички в стиле Гретель, устраивать кукольные дни рождения или мастерить игрушки для новогодней ёлки. Да и ёлки-то у нас, наверное, не было бы, мама не очень-то проникалась традициями и обрядами. Кроме того, она была страшно забывчивой, полностью соответствуя этим образу рассеянного профессора. Мама забывала абсолютно обо всём: забрать Мию с урока игры на флейте, имя нашей собаки, место, где она припарковала машину. Без Лотти мы бы все давным-давно пропали.

Но Лотти тоже была небезупречна. Каждый год она покупала мне школьную форму на один размер меньше, вот и на этот раз произошло то же самое. Как и каждый год, вину она хотела свалить на меня.

– Ума не приложу, как только человеку удаётся так сильно вырасти всего за одно лето, – ворчала она, пытаясь застегнуть школьный пиджак у меня на груди. – А тут ещё и... наверху! Ты это специально!

– Да, ну конечно! – настроение у меня, как и следовало ожидать, было просто отвратительным, но я не сдержала улыбку. Лотти-то уж могла бы за меня и

порадоваться. «Наверху» у меня выросло вовсе не что-то поразительных размеров, как у шестнадцатилетней девушки, но плоской доской я быть перестала. Поэтому носить школьный пиджак нараспашку вовсе не казалось мне такой уж плохой идеей. В сочетании с короткой юбкой он создавал довольно свободный образ.

– Лив гораздо лучше выглядит, – пожаловалась Мия, которая была уже готова к выходу. – И почему только ты не купила мне тоже школьную форму на размер меньше, а, Лотти? И вообще, почему все школьные формы обязательно должны быть тёмно-синего цвета? И почему наша новая школа называется «Академия Джабс», а на гербе у них нет никакой жабы? – Сестра с недоумением провела рукой по вышитой эмблеме школы на своём нагрудном кармане. – У меня глупейший вид. И вообще, здесь всё глупое.

Она медленно повернулась, указала на чужую мебель и сказала преувеличенно громко:

– Глупо. Глупо. Глупо. Правда ведь, Ливви? Мы так мечтали о коттедже в Оксфорде. И вместо этого очутились здесь...

«Здесь» – значило в квартире, где вчера вечером нас оставил Эрнест. Она находилась на четвёртом этаже в элитном высотном доме где-то на северо-востоке Лондона. Тут было четыре спальни, блестящие мраморные полы и много мебели, которая нам не принадлежала. Большинство предметов оказались позолоченными, даже подушки на диване. Если верить надписи под звонком, в этой квартире жили люди по фамилии Финчли, и, кажется, они коллекционировали фарфоровых балерин. Эти балерины попадались на каждом шагу.

Так что я согласно кивнула.

– И ничего из нужных нам вещей здесь нет, – сказала я тоже во весь голос.

– Тс-с-с-с, – прошептала Лотти и озабоченно глянула через плечо. – Вы же сами прекрасно знаете, что это всего лишь временное жильё, а коттедж не оправдал наших ожиданий.

Она сдалась и перестала тянуть мою одежду, пытаюсь опустить юбку и застегнуть пиджак, – всё равно это был безнадежный труд.

– Да, так утверждает мистер Спенсер, – сказала Мия.

Нас попросили называть его по имени, но мы каждый раз притворялись, что забыли об этом.

– Ваша мама собственными глазами видела крысу, – возразила Лотти. – Вы что же, хотите жить в одном доме с крысами?

– Да, – в один голос выпалили мы с Мией.

Во-первых, крысы не такие уж страшные, как привыкли считать люди (вот взять хотя бы известного Рататую), а во-вторых, встречу с крысой можно было придумать с такой же лёгкостью, как и все остальные детали. Не такие уж мы и тупицы – отлично сечём, какой театр перед нами разыгрывают эти взрослые. Вчера вечером мама немного переборщила с ужасными подробностями, чтобы убедить нас, насколько мерзким оказался тот коттедж. В доме нашей мечты будто бы воняло плесенью, отопление работало с перебоями, в камине свили гнездо вороны, соседи были шумными и глупыми, а вид из окна – унылым. Кроме того, выбраться оттуда на общественном транспорте было якобы очень сложно. А школа, в которую мама нас сначала записала, пользовалась плохой репутацией. Именно поэтому мама была вынуждена разорвать контракт и снять вот эту квартиру – конечно, лишь на время. (Как и все остальные квартиры и дома, в которых нам приходилось жить раньше.)

Да, действительно, всё это пришлось сделать у нас за спиной, признавалась мама, но лишь потому, что ей не хотелось портить нам каникулы с папой. Да и вообще, она желает нам только добра – самой-то ей придётся каждый день теперь добираться с пересадками в Оксфорд, чтобы мы смогли посещать отличную школу, и вообще – «вот честное слово, мышата!» – неужели не круче жить в Лондоне, нежели в какой-то там деревне?

Естественно, её выбор никак не связан с тем, что мистер я-знаю-что-будет-лучше-для-вас Спенсер тоже, совершенно случайно, проживал в этой части Лондона. А школа, которую мы впредь должны были посещать, оказалась, конечно же, совершенно случайно, школой, где учились и дети Эрнеста. С

которыми мы, так же случайно, скоро познакомимся на ужине у них дома.

Вот-вот произойдёт настоящая катастрофа, это было ясно. Конец света!

– Мне плохо, – сказала я.

– Вы просто слишком переживаете, – Лотти, пытаюсь нас успокоить, погладила Мию по плечам, а второй рукой заправила мне за ухо непослушную прядь. – Да это и понятно – всё-таки вам предстоит первый день в новой школе. Но можете мне поверить: вы ничем не хуже остальных. Обе очень симпатичные и умные, вам совершенно нечего переживать, что не успеете или не освоитесь в новой школе, – она улыбнулась. – Мои замечательные умницы, красавицы, светловолосые эльфийские девочки.

– Да, у одной из умниц, красавиц и светловолосых эльфийских девочек на зубах брекететы, нос слишком длинный, да ещё и очки с толстыми стёклами, как у какой-нибудь заучки, – пробормотала Мия, не обращая внимания на то, что большие карие глаза Лотти наполнились слезами. – Да и к тому же обе они – особы без определённого места жительства.

«Зато с рехнувшейся мамашей, няней, у которой самые старые на свете подопечные и целый ворох несбывшихся мечтаний о сельской жизни», – мысленно продолжила я. Но при этом не могла не улыбнуться в ответ на улыбку Лотти. Она выглядела до того милой, стоя вот так и оглядывая нас с головы до ног, словно обладательница сокровища, уверенная, что всё пойдёт наилучшим образом. Да и вообще, её вины здесь не было.

– Брекететы ты сможешь снять уже через полгода. У тебя получится, ты это выдержишь, Мия, маленький мышонок, – неожиданно перед нами появилась мама. Как и всегда, она услышала лишь ту часть разговора, которую хотела услышать. – Какая же у вас милая школьная форма, – она одарила нас солнечной улыбкой и склонилась над картонной коробкой с надписью «Обувь».

Мамина обувь, ясное дело, перекочевала в это жильё вместе с нами. А мои ящики с книгами тем временем медленно плыли в каком-то багажном отделении, там же ехали тетради с тайными записями и кофр с гитарой.

Я угрюмо сверлила глазами мамину спину. Мистер Спенсер от мамы без ума, но это ещё можно понять. Она действительно отлично выглядит, особенно для профессора литературы. У неё натуральные светлые волосы, длинные стройные ноги, голубые глаза, отличные белые зубы. Ей сорок шесть, но это видно лишь на следующий день после лишнего бокала вина. В хорошие времена она выглядела, как Гвинет Пэлтроу. Хотя новая мама причёска была полным провалом. Казалось, мама стрижётся у того же парикмахера, что и герцогиня Камилла.

Ботинки и туфли, которые ей не подходили, мама один за другим отбрасывала на ковёр. Наша собака Кнопка, полное имя которой звучало как Принцесса Кнопиада, ранее известная как Доктор Ватсон (имя Доктор Ватсон преследовало её с тех времён, когда мы считали её кобелем)... Так вот, Кнопка схватила один кроссовок и потащила в свой уголок, под журнальный столик. Там она с наслаждением принялась разгрызать злосчастный кроссовок на части. Никто из нас её не остановил – ей-то, кстати, тоже пришлось несладко. Готова биться об заклад, частный дом с садиком понравился бы ей не меньше, чем нам. Но её, конечно же, никто спросить не удосужился. Собаки и дети в этом семействе не имели права голоса.

Второй кроссовок последовал за своей парой и угодил мне прямо в бедро.

– Мам, – возмутилась я, – ты уверена, что выбрала правильный метод? Кажется, тут и без того настоящий бедлам.

Мама притворилась, что не услышала моих слов, и продолжила рыться в коробке с обувью, а Лотти поглядела на меня с укоризной. Я угрюмо подняла на неё глаза. Не хватало ещё, чтобы теперь нам запретили разговаривать.

– Ах, вот они где, – наконец мама обнаружила то, что искала, – пару чёрных туфель-лодочек. Она победно помахала ими над головой.

– Да, это действительно важнее всего, – ядовито заметила Мия.

Мамины ноги проскользнули в туфли, и она повернулась к нам.

– Как по мне, мы можем отправляться, – радостно сказала она.

Мы с Мией смотрели на неё так мрачно, что от одного такого взгляда скисла бы бочка молока, но это ей, казалось, ни капельки не мешало.

Лотти обняла нас.

– У вас всё получится, мои малышки. Это ведь не первый ваш день в новой школе.

Глава третья

Я подняла подбородок и расправила плечи, насколько это позволял узкий пиджак. Лотти права – нам не впервые приходится начинать всё сначала в новой школе, мы успели побывать и в более неприятных переделках. На этот раз мы, по крайней мере, понимали язык страны, в которой оказались, и даже могли на нём говорить, а вот, например, в Утрехте нам этого очень не хватало. Мама упрямо повторяла, что если мы знаем немецкий, то сможем понять и голландский. Ага, как бы не так! И, конечно же, здесь нечего было бояться, что встретишь в туалете огромную сороконожку, как в Хайдерабаде. (Эта сороконожка до сих пор иногда приходила ко мне во снах, она была длиной с полруки, но главное – не размер, а то, что она глядела на меня своими мрачными глазами!) Напротив, здесь, наверное, всё начищено до такого блеска, что можно даже садиться на унитаз, не проверяя его чистоту. «Академия Джабс» для мальчиков и девочек была частной школой в элитном районе Лондона – Хампстеде. Это значило, что по утрам детей здесь не обыскивали с металлодетектором на наличие оружия, как в моей позапрошлой школе в Беркли, в Калифорнии. И, конечно же, здесь были и более симпатичные ученики, чем эта девчонка, которая вот уже сколько времени разглядывает меня с таким видом, будто от меня воняет. (Это, кстати, совсем не так, потому что из-за вонючего сыра я принимала сегодня душ на пятнадцать минут дольше обычного.)

Приходилось лишь надеяться, что Мие попалась более приятная подружка.

- Лив - это сокращение от имени Ливетта или от Калифорния?

Чего? Она за кого меня принимает? Что-то мне кажется, что никого на всём белом свете не зовут ни Ливеттой, ни Калифорнией. Хотя саму её, прошу заметить, звали Персефоной.

- От имени Оливия, - сказала я, раздражаясь всё больше, прежде всего на саму себя. Съёжившись под пристальным взглядом Персефоны, я вдруг пожалела, что Лотти всё-таки не купила мне форму правильного размера. И что я не удосужилась надеть контактные линзы вместо этих глупых очков. Вместе с собранными в хвост на затылке длинными волосами эти очки, должно быть, ужасно негармонично смотрелись в сочетании с моей короткой юбкой и слишком узким пиджаком.

Директор попросила Персефону помогать мне в новой школе. Согласно данным системы, почти все курсы, которые мы с ней выбрали, совпадали. Прежде, в учительской, она вполне мило мне улыбалась, пока директор объясняла ей, что я уже успела пожить в Южной Африке и Нидерландах. Но всё её благожелательное настроение куда-то улетучилось, когда она узнала, что мои родители вовсе не дипломаты и у них нет собственных алмазных копий. Улыбка быстро сошла с её лица, она задрала нос повыше и в таком положении продолжала со мной общаться до сих пор. Эта девочка походила на одну из угрюмых обезьянок, которые в Хайдерабаде выхватывали бутерброды у зазевавшихся учеников.

- Оливия? - повторила она. - Я знакома как минимум с десятью Оливиями. Кошку моей подруги тоже зовут Оливией.

- Зато ты - первая Персефона, которую я знаю.

Потому что таким имечком даже кошку не назовёшь.

Персефона элегантно откинула волосы с лица.

- В моей семье все имена связаны с греческой мифологией. Сестру зовут Пандорой, а брата - Приам.

Вот бедняжки. Но это всё же получше будет, чем Персефона. Тем временем Персефона продолжала косо поглядывать на меня, словно ожидая ответа, поэтому я выпалила:

– И все начинаются на «П».

– Да. И это отлично сочетается с нашей фамилией – Портер-Перегрин.

Персефона Портер-Перегрин (вот ужас-то!) снова откинула волосы со лба и распахнула стеклянную дверь, сплошь обклеенную плакатами и записками.

Особенно выделялся пошленький плакат, приглашающий посмотреть фильм «Осенний бал». Под золотыми буквами кружились в танце парень во фраке и девушка в голубом разлетающемся платье, а вокруг парили разноцветные листья. Фильм выходил в прокат пятого октября, билеты можно было приобрести в учительской. Я люблю кино, но на такие вот слезливые романы для подростков мне жаль тратить свои сбережения. Через пять секунд после начала можно уже с точностью сказать, чем этот фильм закончится.

Как только мы прошли через стеклянную дверь в коридор, тишина и спокойствие учительской сменились школьной суетой. Со всех сторон мимо нас спешили ученики. В «Академии Джабс» в одном здании находились младшие, средние и старшие классы. Я невольно поискала глазами светлую косичку Мии. Впервые за несколько лет мы оказались вместе в одной школе, и я наказала Мие, что, если кто-то будет к ней приставать, она может как бы невзначай упомянуть, что её старшая сестра занимается кунг-фу.

Но Мии нигде не было видно. Я с трудом поспевала за Персефой, пробираясь сквозь толпу школьников. Кажется, неформальная часть нашей беседы закончилась, у Персефоны пропало всякое желание тратить время на какую-то девчонку, которую зовут как кошку её подруги, а родители у неё совсем не дипломаты и не хозяева алмазных месторождений.

– Столовая, первый этаж.

Как экскурсовод, который пришёл на работу в плохом настроении, она время от времени небрежно махала на что-то рукой и бросала через плечо какие-то фразы, не особо заботясь, услышала я их или нет.

– Кафе для средней и старшей школы. Второй этаж. Туалеты там. Компьютерные классы фиолетового цвета. Естественные науки – зелёного.

Снова стеклянная дверь, обклеенная плакатами. И снова бросилась в глаза безвкусная реклама «Осеннего бала». На этот раз я решила остановиться и разглядеть его как следует. Да, кажется, это был фильм самого ужасного сорта. Девушка на картинке смотрела на парня, с которым танцевала, совершенно влюблёнными глазами, он же, казалось, не особенно доволен происходящим, будто завидуя своей партнёрше, ведь ей досталась диадема, а ему лишь дурацкий косой пробор.

Но, возможно, я недооценивала этот фильм, и на самом деле он вовсе не был обычной чепухой для тинейджеров. Главные герои – никакие не капитан футбольной команды с собственным фан-клубом, обворожительный и глуповатый, и бедная очаровательная девочка с добрым сердцем. «Осенний бал» вполне может оказаться захватывающим триллером, а голубое воздушное платье, приторная улыбка и нелепая тиара – всего лишь прикрытие, чтобы выкрасть у красавчика с косым пробором ключ от сейфа, доверху набитого тайными документами, а с помощью этих документов можно спасти мир. Или, возможно, этот тип – серийный убийца и хочет расправиться с одной из старшекласниц...

– Даже не думай! – Персефона, кажется, заметила, что я больше не бегу за ней следом, и вернулась. – Бал устраивают исключительно для старшекласников. Младшие ученики могут участвовать, только если получат особое приглашение.

Прошло ещё несколько секунд, пока до меня дошло, что она хотела этим сказать (мысли о серийном убийце унесли меня очень далеко). Этого времени Персефоне было достаточно, чтобы вытащить из сумки помаду и снять колпачок.

О боже, ну я и тупица. «Осенний бал» был не фильмом, а всего лишь презренной действительностью. Я тихонько хихикнула.

Рядом с нами несколько ребят затеяли игру в мяч. Только вместо мяча они перебрасывали друг другу грейпфрут.

– Это традиционный бал, который устраивается каждый год в честь основания нашей школы. Все обязаны облачиться в костюмы викторианской эпохи. Я, естественно, числюсь в списке гостей. – Персефона подвела губы. Только я хотела восхититься, как это ей удаётся обходиться при этом без зеркальца, как заметила, что это бесцветная помада, которую Персефона могла беззаботно размазывать до самого носа. – Я иду с другом моей сестры. Она в организационном комитете, который занимается подготовкой бала. Эй, идиоты, а ну-ка прекратите сейчас же!

Грейпфрут просвистел прямо над её головой. Мимо. А жаль.

– Но затем в школе будет ещё и рождественская вечеринка, уже для всех классов, – покровительственным тоном продолжала Персефона. – Туда ты и твоя сестра мо...

На этом месте она вдруг прекратила говорить, более того, она прекратила даже дышать. Персефона уставилась куда-то мимо меня, будто обезьянка, которая вдруг окаменела, не выпуская из рук раскрытый блеск для губ.

Я повернулась в поисках причины этой задержки дыхания. Инопланетян или летающей тарелки поблизости обнаружено не было. Зато рядом оказалась группа старшеклассников. Это были четверо парней, выделявшихся из толпы: казалось, все школьники в коридоре только на них и смотрят. Возможно, из-за того, что они так спокойно проходили мимо, не обращая внимания на других, полностью погружённые в беседу. При этом они шагали в ногу, будто в такт какой-то тайной музыке, слышать которую могли лишь они. Вообще-то, не хватало лишь эффекта замедленной съёмки и мощного вентилятора, чтобы их волосы развевались на ветру. Парни подошли прямо к нам, а я тем временем соображала, кто же из них превратил Персефону в соляной столп. Проведя беглый анализ, я пришла к выводу, что у каждого из них были все шансы стать предметом её вздыханий. Кажется, ей нравились высокие спортивные блондины. (А мне, например, вовсе нет. Я предпочитала тёмноволосых задумчивых мальчиков, которые читали стихи, играли на саксофоне и с удовольствием смотрели детективы о Шерлоке Холмсе. К сожалению, пока что мне довелось встретить не очень много таких персонажей. Ну хорошо, если честно, пока мне не попалось ни одного такого мальчишки. Но где-то ведь они существуют!) Заметнее и лучше всех выглядел второй слева, золотистые локоны обрамляли его точёное ангельское лицо. Вблизи оно казалось фарфоровым, без единой поры, прямо неестественно идеальным. По сравнению с ним трое

остальных – просто обычные парни.

Персефона невразумительно прохрипела:

– Привет, Джапскрч.

Ответа не последовало, четверо собеседников были слишком поглощены разговором, чтобы удостоить нас хотя бы взглядом. Кажется, ни одного из них Джапскрчем не звали.

Мимо снова пролетел грейпфрут, сейчас он бы точно врезался в нос окаменевшей Персефоны, если бы я его не опередила и не поймала злосчастный плод. Честно говоря, это был скорее рефлекс, чем продуманное действие. И тут, как назло, у одного из этих парней из «Клуба расслабленных блондинов» (у крайнего слева) возникла та же идея, то есть тот же рефлекс, поэтому мы одновременно подпрыгнули и столкнулись плечами в воздухе. Но грейпфрут оказался всё же в моей руке.

Парень поглядел на меня сверху вниз.

– Неплохо, – признал он, поправляя сбившийся у локтя рукав. Как он ни торопился, я всё же успела прочесть слова, из которых состояла его татуировка на запястье: *numin nocis*.

– Баскетбол или гандбол?

– Ни то, ни другое. Просто проголодалась.

– Ах, вот как, – он рассмеялся, и только я хотела всерьёз задуматься и сменить тип парней, которые мне нравятся, в пользу высоких блондинов с татуировками, бледной кожей, растрёпанными волосами и серыми раскосыми глазами, как он добавил: – Это ведь ты – сырная девочка из аэропорта? Что это был за сорт, напомни-ка?

Нет, стоит пока подождать со сменой вкуса.

– Сыр с плесенью из Энтлебуха, – с достоинством ответила я и немного отодвинулась от него. Не такой уж он и красавчик. Нос слишком длинный, под глазами тёмные круги, а волосы, наверное, расчёски в жизни не видели. Я тоже узнала его, это был тот самый тип, который так подозрительно быстро уснул в самолёте. Сейчас же он выглядел совершенно бодрым. И вся эта ситуация явно очень его забавляла.

– Сыр с плесенью из Энтлебуха, точно, – повторил он и злорадно хихикнул.

Я подчёркнуто бесстрастно поглядела куда-то мимо него.

Ангел с фарфоровым лицом пошёл дальше, но один из его друзей-блондинов остановился рядом с Персефой. Мне показалось, что я где-то его уже встречала. Прошло секунд пять, я уставилась на него во все глаза и вдруг поняла, что к чему. Я чуть не взвизгнула во весь голос. Невероятно! Передо мной стоял Кен! Копия кукольного красавца, друга Барби, только из плоти и крови и в натуральную величину. Точно такого Кена Мия получила в подарок на прошлое Рождество от тёти Гертруды. Кен, которого надо было побрить. (От тёти Гертруды мы всегда получали самые странные подарки. Например, мне она преподнесла детскую мозаику с дырочками.)

Персефона, казалось, уже немного отошла от шока, ровно настолько, чтобы дышать и удивлённо выкатывать глаза. Щёки её неестественно покраснели, но я не могла понять, была ли причиной тому ярость или недостаток кислорода. Мальчишки с грейпфрутом вместо мяча благоразумно испарились.

– Это что, твоя новая подруга, Афродита? – поинтересовался небритый Кен, указывая на меня.

Щёки Персефоны покраснели ещё сильнее.

– Ах, это ты, Джаспер! Только заметила, что ты тут, – сказала она почти нормальным голосом (то есть ужас до чего высокомерным!), только немного более пискляво, чем раньше. – Ох, да нет же! Это директор её на меня навесила. Новая ученица. Олив Какая-то. Родители у неё миссионеры или что-то вроде того.

Что-то вроде того. Я бросила на неё удивлённый взгляд сквозь стёкла своих миссионерских очков. Это что, единственное, чем могут заниматься твои родители, если они вдруг не оказались владельцами алмазных месторождений или дипломатами?

Небритый Кен внимательно оглядел меня с головы до ног, поглаживая щетину на подбородке. Обязательно покажу его Мие – подумать только, какое сходство. «Кен пригласил Барби на свидание, но на лице у него трёхдневная щетина. Помоги ему побриться».

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Ты же слышал, Олив Какая-то, – ответила я.

«Барби немного обескуражена поведением Кена. Обычно он более приличен и не бросает таких похотливых взглядов. Поэтому она даже не думает называть своё настоящее имя».

Он снова провёл рукой по подбородку.

– Если твои родители миссионеры, то ты наверняка до сих пор...

– Нам пора, – перебил его парень из аэропорта и грубо потянул за руку. – Пошли, Джаспер.

– Что, уже и спросить нельзя, – небритый Кен с трудом оторвал от меня взгляд. – Кстати, неплохие ножки. Для дочки миссионеров.

Только я распахнула рот, чтобы ему ответить (можно подумать, он видел дочку хотя бы одного миссионера, этот воображала!), но прежде чем успела хоть что-то сказать, в локоть мне больно вцепилась рука Персефоны.

– Нам тоже пора. У нас сейчас химия с учителем Робертсом, не хочется опаздывать в первый же день.

Персефона потянула меня вперёд, я споткнулась, но была ей очень благодарна. Потому что меткого ответа мне в голову всё равно не пришло.

Третье сентября

Снова начались занятия – и добро пожаловать всем постоянным читателям этого блога. Для тех, кто только присоединился к нам, замечу – даже не пытайтесь узнать, кто я, до сих пор это ещё никому не удавалось.

Видели ли вы толстушку Хейзл Притчард? Да её просто не узнать, не правда ли? Тринадцати с половиной килограммов жира как не бывало. Мама отправила её в Шотландию, в жёсткий лагерь для желающих похудеть, где ей выдавали всего 600 фунтов еды в день. Бедняжке приходилось питаться исключительно обезжиренным творогом, напитком из сельдерея и водой. Но об этом никто не должен знать, согласно официальной версии, Хейзл пришлось несколько изменить питание из-за аллергии, и она совсем не заметила, что всё худела и худела... Так или иначе, прозвище Толстушка ей больше не идёт. Но Хейзл-случайно-ставшая-худышкой-Притчард – это несколько громоздко, разве нет?

В «Академии Джабс» снова начинается ежегодная лихорадка: кто с кем пойдёт на Осенний бал и почему? Организационный комитет отменил выборы короля и королевы бала (кто-нибудь из вас вообще понял, чем они это мотивируют? Как выборы короля и королевы связаны с издевательствами и дискриминацией?). Я решила продолжить столь прекрасную традицию и устроить внутренние выборы. Вы можете присылать мне свои предложения на адрес secrecy.buzz@yahoo.com.

И, конечно, главный вопрос: кого выберет Артур Гамильтон? Справка для новичков: Артур – самый красивый мальчик во всей школе или даже на всём восточном полушарии. После ухода Колина Девисона он также стал новым капитаном нашей баскетбольной команды. Официальная версия гласит, что Артур встречается с Анабель Скотт, которая в прошлом году закончила «Академию Джабс» и теперь учится в университете Санкт-Галлен, в Швейцарии. А теперь – мальчики, следующее предложение не для вас – новость только для девочек! Неофициальная информация такова – он снова свободен, и я говорю это не только потому, что не особо верю в отношения на расстоянии. Ладно, в Фейсбуке их статус не изменился, но вот скажите честно: кто-нибудь из вас видел этих двоих вместе хоть раз после выпускного бала? И почему у Анабель

такой вид, будто она вот-вот расплачется?

Но кого это удивляет? Меня лично – нет. Между тем, до каждого, наверное, дошло, что после трагической гибели бывшего парня Анабель Тома Голланда они с Артуром перестали быть идеальной парой, от вида которой бледнеешь от зависти. Для новичков: вы столько пропустили – бедный Том ушёл из жизни в июне прошлого года после автомобильной катастрофы. Ну и пусть, что он был бывшим! Я несколько раз намекала на то, что между ним и Анабель чувствовалось притяжение даже после расставания, и понимали это абсолютно все, кроме разве что Артура. Но уж как картинно она боролась со слезами на похоронах Тома – тут даже до Гамильтона, наверное, дошло. (И утешил Анабель, кстати говоря, вовсе не Артур, а Генри Гарпер – добавлю вам этот факт для того, чтобы освежить воспоминания и запутать ещё чуть сильнее J.)

Итак, что думаете вы? Кто станет новой девушкой Артура? Принимаю ставки.

Скоро увидимся!

Ваша Леди Тайна

Глава четвёртая

– Девочку, которую попросили помогать мне, зовут Дейзи Дон Стюард! – говорила Мия, и при каждом звуке изо рта у неё вылетали крошки. – Увлекается она Тейлором Лотнером, только о нём и болтает.

Ну, тут я могла обойти сестричку в два счёта.

– А меня курирует Персефона Портер-Перегрин. И она не сказала мне ни слова после того, как притащила меня на первый же урок. В сущности, не так уж это и плохо. Думаю, она увлекается метанием высокомерных взглядов.

– Да, действительно, странное имя... Как у какой-нибудь скаковой лошади, – заметила Лотти. На увлечение Тейлором Лотнером или его героем-оборотнем из кино-саги «Сумерки» Лотти не отреагировала, у неё самой ещё в позапрошлом году висел плакат с этим Тейлором. На дверце платяного шкафа, изнутри. Возможно, ей просто нравились волки.

На кухне у нас шторы в шотландскую клетку, прошитые золотыми нитями, из каждого угла торчат вездесущие фарфоровые балерины, но, несмотря на всё это, здесь сейчас очень уютно. По подоконнику барабанит последний летний дождь, а в воздухе витает успокаивающий аромат ванили и шоколада. Лотти только что вытащила из духовки наше любимое печенье – ванильные песочные полумесяцы по бабушкиному рецепту. К нему Лотти подала нам горячее какао со сливками и шоколадной стружкой. И полотенца для наших промокших под дождём волос. Эта чрезмерная забота и обилие сладкой еды частенько нас утешали. Кажется, Лотти всё-таки сочувствовала нам гораздо сильнее, чем ей хотелось бы. Потому что в обычной ситуации она никогда не изменяла своим принципам – рождественскую выпечку до начала праздника не едят! Что касается традиций Рождества, тут Лотти была твёрже стали. Ох, и попадало же тому, кто осмеливался напеть в июне рождественскую мелодию! В этом вопросе Лотти шуток не понимала. Она свято верила, что такие выходки приносят несчастье.

Какое-то время мы с наслаждением поглощали печенье за печеньем, комментируя воображаемые скачки:

– Персефона Портер-Перегрин с первых же секунд занимает лидирующую позицию на дорожке, в этом году она в прекрасной форме, так что эта лошадка способна обойти всех скакунов в Аскоте. Свою главную соперницу Ванилу Полумесяц она оставляет далеко позади. Но погодите, что происходит? Вперёд вырывается номер пять, Дейзи Дон, вот она уже догоняет Персефону, и – да! просто невероятно! – аутсайдер Дейзи Дон выигрывает с преимуществом в долю секунды.

– Это же не спекулос[2 - Спекулос – сорт рождественских пряников.], ванильные полумесяцы можно и не считать исключительно рождественской выпечкой, правда же? – пробормотала Лотти на немецком, скорее самой себе, чем нам. Папа в своё время настаивал, чтобы нянечка у нас была обязательно из Германии, и мы, общаясь с ней, смогли лучше выучить его родной язык. Если же он сам заговаривал с нами по-немецки, мы предпочитали либо молчать, либо

отвечать ему по-английски (во всяком случае, я, Мия тогда вообще не могла сказать ничего, кроме «да-да-да»), а это не очень-то соответствовало его представлениям о правильном двуязычном воспитании. Поначалу Лотти почти не понимала по-английски, поэтому нам всё время приходилось напрягаться и говорить с ней на немецком языке, что вызывало искреннюю радость папы. Ровно до того момента, когда он понял, что мы переняли от Лотти не литературный язык, а её родной диалект. А уж когда малышка Мия выплюнула папе на рубашку брокколи, бормоча при этом ругательства на баварском наречии, нашему отцу стало совершенно ясно, что его план оказался не таким уж совершенным.

– Эти полумесяцы вполне могут сойти за будничную выпечку, – Лотти до сих пор волновалась, что Христос ещё припомнит ей праздничное печенье без особого повода. – Но только в крайнем случае, конечно.

– Это и есть очень, очень крайний случай, – заверила её Мия. – Ты только погляди на двоих достойных сожаления детей, жертв развода, потерявших надежду и жизненные ориентиры в большом чужом городе.

К сожалению, Мия не преувеличивала. Дорогу домой мы нашли только благодаря дружелюбным пассажирам и водителю автобуса. Утром нам не пришлось в голову запомнить номер нашего временного дома, все здания здесь выглядели совершенно одинаково, поэтому, наверное, мы до сих пор блуждали бы под проливным дождём, как Гензель и Гретель по лесу, если бы не увидели и не услышали нашу Кнопку, которая стояла у окна и лаяла изо всех своих собачьих сил. Сейчас умный зверь приютился рядом с нами, положив голову мне на колени, и надеялся, что печенье каким-нибудь волшебным образом окажется у него на языке.

– Вам и правда приходится несладко, – сказала Лотти, глубоко вздохнув. На миг я почувствовала угрызения совести. Чтобы на душе няни стало чуть легче, мы вполне могли бы рассказать ей, что школа, вообще-то, оказалась вовсе не ужасной, скорее наоборот. Здесь первый день учёбы прошёл намного лучше, чем, например, в Беркли, где банда девчонок угрожала окунуть меня головой в унитаз. (В первый день они только угрожали это сделать, а на пятый так и поступили. Кстати, именно после этого я и записалась в секцию кунг-фу.) Сегодняшний первый день был очень далёк от того и ему подобных в новых школах. Не считая Персефону и небритого Кена, все остальные в «Академии Джабс» показались мне вполне милыми, учителя тоже вроде нормальные. Ни на

одном уроке у меня не возникло чувства, что я отстала или чего-то не понимаю, учительница французского похвалила моё произношение, классы были светлыми и просторными и даже еда в столовой оказалась довольно вкусной. Вместо Персефоны девочка, которая сидела со мной рядом на уроке французского, совершенно неожиданно вызвалась проводить меня в столовую и там познакомила со своими друзьями. От них я узнала, что гороховое пюре лучше не заказывать, и что Осенний бал – это всё-таки замечательное событие потому что после скучной официальной части там будет выступать какая-то крутая группа, о которой я, к сожалению, слышала сегодня впервые. Для первого дня в новой школе всё прошло довольно удачно. У Мии, кстати, даже лучше моего.

Да, всем этим нам надо было поделиться с Лотти, ведь так приятно, когда тебя жалеют и о тебе заботятся, тем более что перипетии сегодняшнего дня только начинались. Самое страшное было ещё впереди – ужин в доме у Эрнеста, на котором мы познакомимся с его сыном и дочерью, семнадцатилетними близнецами, которые, если верить словам Эрнеста, представляли собой воплощение добродетели и таланта. Я ненавидела их уже сейчас.

Лотти, казалось, тоже размышляла об этом событии.

– Для тебя, Мия, на сегодняшний вечер я приготовила красную бархатную юбку и белую блузку. А тебе, Лив, погладила голубое мамино платье.

– Может, лучше сразу короткое чёрное со стразами? – насмешливо спросила я.

– Да, и лайковые перчатки, – добавила Мия. – Уф-ф, это всего лишь глупый ужин. И самый обычный вечер самого обычного понедельника. Я лично пойду в джинсах.

– Обсуждению не подлежит! – отрезала Лотти. – Вы должны сегодня показать себя с лучшей стороны.

– В мамином платье? Интересно, ты-то что наденешь, Лотти, неужели праздничный дирндль[3 - Дирндль – традиционная женская одежда немецкоговорящих альпийских регионов.]?

Мы с Мией захихикали.

Лотти приосанилась и гордо вскинула голову. Если дело касалось дирндля, она становилась ещё более серьёзной, чем в вопросе рождественских традиций.

– Я бы с радостью так и поступила. Потому что мой дирндль уместен всегда. Но мы с Кнопкой остаёмся дома.

– Что? Ты бросишь нас там одних? – закричала Мия.

Лотти молчала.

– О, понимаю, мистер Спенсер тебя не пригласил, – заключила я, и тут у меня родилось какое-то нехорошее предчувствие.

Мия возмущённо распахнула глаза.

– Этот ужа...

Лотти тут же принялась выгораживать Эрнеста:

– Ну подумайте сами, в подобной ситуации так не поступают. На... семейные вечера не берут с собой няню.

– Но ты – член нашей семьи! – Мия разломала ванильный полумесяц, и Кнопка с надеждой вскинула голову. – Ох уж этот глупый зазнавшийся старикан!

– Нет, он не такой, – возразила Лотти. – Отношение мистера Спенсера ко мне всегда было абсолютно безупречным. Он показал себя очень обходительным мужчиной с хорошими манерами, и мне кажется, что к вашей матери он питает самые сильные и светлые чувства. Он честен перед ней и перед нами. Подумайте только, как мистер Спенсер старался помочь, когда выяснилось, что наш коттедж не пригоден для жилья. Без него нам не удалось бы получить эту квартиру, а вас никогда не взяли бы в «Академию Джабс» – пришлось бы вам, как остальным желающим, ждать своей очереди неизвестно сколько времени. Пора бы, девочки, постепенно смириться и полюбить его, – она строго посмотрела на нас. – А сегодня вечером вы оденетесь согласно правилам приличия.

Проблема была лишь в том, что Лотти так же умела бросать строгие взгляды, как Кнопка – устрашающе лаять. Ни одна, ни другая никогда не выглядели по-настоящему грозно, а всё из-за карих собачьих глаз, которыми были наделены и Кнопка, и Лотти. Сейчас я так сильно любила нашу дорогую няню, что меня просто распирало от нежности.

– Ну ладно, – согласилась я. – Но только если ты одолжишь мне свой дирндль.

Мия не выдержала и хихикнула:

– Ну да, ведь твой дирндль уместен всегда!

– Не мой дирндль, а любой дирндль!

Лотти задумчиво уставилась в пустоту, убрала с лица тёмные локоны (у Кнопки были, кстати, точно такие же) и продолжила уже по-немецки:

– Не хотелось бы разбивать твои иллюзии, сердце моё, но для моего дирндля у тебя не достаточно... округлые формы. Ясно?

«Округлые формы», очевидно, были противоположностью «плоской как доска». Поглядим, смогу ли я вернуть эти выраженьица на уроке немецкого.

Я хотела рассмеяться, но издала лишь какое-то странное сопение.

– Я тебя так люблю, Лотти, – сказала я намного более серьёзным тоном, чем собиралась.

Глава пятая

Мне почему-то казалось, что дом Эрнеста Спенсера должен выглядеть намного изысканнее и богаче, и я почти разочаровалась, когда наше такси остановилось перед сравнительно скромным на вид кирпичным домом на Редингтон Роуд. Традиционная кладка, окна с белыми подоконниками, множество фронтонов и эркеров, скрытые за калиткой и стенами, – дом совершенно такой же, как и многие другие на этой улице. Дождь стих, и вечернее солнце окрасило всё вокруг золотым светом.

– Вполне симпатично, – ошарашенно прошептала Мия, пока мы следовали за мамой по вымощенной дорожке к входной двери. В саду цвели гортензии и росли подстриженные в форме шаров декоративные деревья.

– Самая симпатичная тут ты, – прошептала я в ответ.

Слова мои были чистой правдой – Мия выглядела просто изумительно с мудрёными косичками, шедевром Лотти, которые должны были придать ей праздничный вид и сыграть на контрасте с джинсами. Мама (к большому сожалению Лотти) разрешила нам их надеть. Прежде всего потому, что щеголять в свежeweыглаженном праздничном платье сегодня ей хотелось самой.

Мама нажала на кнопку звонка, и в доме раздалась мелодичная трель.

– Прошу вас обеих, будьте умницами. И ведите себя нормально.

– Если я правильно поняла, ты запрещаешь нам на сегодня игры с едой за столом, громкие отрывки и непристойные шутки? – Я дунула на прядь, норовящую опуститься прямо на глаза. Наверное, Лотти заплела бы мне такие же изящные косички, как и Мие, но я так долго торчала в ванной, что на это просто не хватило времени. – Мам, вот честно, если здесь кому-то и надо напоминать о хорошем поведении, так только тебе!

– Точно! У нас-то идеальные манеры. Добрый вечер, уважаемый, – Мия присела в кокетливом реверансе перед мощной каменной скульптурой, стоящей у входной двери. Это была помесь орла (от головы до груди) и льва (всё остальное), немного толстоватое создание.

– Прошу простить, меня зовут Мия Зильбер, а это моя сестра – Оливия Зильбер, а вон та хмурая особа – наша рассеянная мамуля, профессор Энн Мэтьюз.

Разрешите поинтересоваться, с кем имею честь..?

- Это Страшила Фредди, также известный как Толстяк Фредди.

Мы и не заметили, как бесшумно отворилась дверь и перед нами предстал высокий парень немного старше меня, одетый в чёрный свитер и джинсы. Я облегчённо вздохнула. Хорошо, что наша рассеянная мамуля сама захотела надеть это идиотское праздничное платье, я бы в нём просто выставила себя на посмешище.

- Это свадебный подарок бабушки и дедушки моим родителям, - сказал парень и похлопал Страшилу Фредди по клюву. - Папа уже давно хочет оттащить его в дальний угол сада, но эта штука весит не меньше тонны.

- Привет, Грейсон! - мама поцеловала парня в обе щеки, а затем указала на нас. - А вот и мои мышата, Мия и Лив.

Мы с Мией ненавидели со страшной силой, когда мама называла нас «мышатами», будто сразу же указывая каждому на наши слишком большие передние зубы (они и впрямь несколько длинноваты).

Грейсон улыбнулся нам:

- Привет. Рад знакомству.

- Да, точно-точно, - пробормотала я.

- А у тебя помада на щеке, - сказала Мия.

Мама вздохнула, а Грейсон немного смутился.

В глаза сразу же бросалось его сходство с отцом. Если не считать волосы, конечно. Те же широкие плечи, та же уверенная осанка, та же отстранённая улыбка звёздного политика. Возможно, именно поэтому мне и показалось, что я его откуда-то знаю. Как бы там ни было, огромные уши Эрнеста он не унаследовал. Хотя, быть может, всё ещё впереди. Когда-то я читала, что уши и носы - это единственные части тела, которые растут чуть ли не до глубокой

старости.

Мама уверенным шагом прошествовала мимо Грейсона, будто знала этот дом наилучшим образом. Нам ничего не оставалось, как последовать за ней.

В прихожей мы нерешительно остановились, потому что мама куда-то пропала.

Грейсон закрыл за нами дверь и провёл ладонью по щекам.

А на самом-то деле Мия просто выдумала всю эту историю с помадой.

– Мы безумно рады оказаться здесь! – заверила она через пару секунд неуверенных взглядов с обеих сторон. – Вкусная еда у вас хотя бы найдётся?

– Думаю, да, – ответил Грейсон и снова улыбнулся. Понятия не имею, как у него это получалось. Мне, по крайней мере, никак не удавалось улыбнуться ему в ответ, как я ни старалась. Вот заучка несчастный.

– Миссис Димблби запекла перепелов.

Да, ничего другого я и не ожидала услышать в ответ.

– Миссис Димблби? – повторила я. – Полагаю, это ваша кухарка? А мистер Димблби тогда должен быть садовником.

– Кухарка и экономка. – Грейсон продолжал улыбаться, но при этом глядел на меня теперь по-другому, немного подняв одну бровь, и я поняла, что он отлично уловил мой язвительный тон. Кстати, цвет глаз Грейсон унаследовал вовсе не от Эрнеста, глаза у него были не голубыми, как у отца, а светло-карими – цвет их резко подчёркивали обрамлявшие его лицо светлые волосы.

– Насколько я знаю, мистер Димблби работает страховым агентом. Папа сам занимается садовыми работами, он говорит, что это его забавляет, – бровь Грейсона вспрыгнула ещё выше. – Но до меня дошли слухи, что у вас есть няня.

– Вообще-то да...

Вот чёрт! К счастью, наш разговор прервал Эрнест. Стоило ему приблизиться, как мама уцепилась за его руку, словно за спасательный круг. Эрнест, как всегда, просто лучился счастьем, будто увидел что-то очень радостное.

– Отлично, значит, Грейсон уже помог дамам раздеться и повесил пальто. Добро пожаловать в фамильное имение Спенсеров. Прошу, проходите, Флоранс уже накрывает на стол.

Ни Грейсон, ни мы с Мией не имели ни малейшего желания объяснять ему, что прибыли мы без пальто (потому что все наши зимние и осенние вещи до сих пор лежали в какой-то нераспакованной коробке). Мама бросила на нас последний предупредительный взгляд и прошествовала под руку с Эрнестом сквозь широкую двустворчатую дверь в столовую.

Столовая оказалась очень уютной, с паркетом и широкими окнами от пола до потолка, открытым камином, белыми диванами с красивыми разноцветными подушками, пианино и большим обеденным столом, сидя за которым можно было наслаждаться великолепным видом на сад. Всё это выглядело шикарно, но не напыщенно, и при этом удивительно... уютно. Никогда в жизни я бы не подумала, что Эрнест будет держать в своём доме такие неказистые диваны, немного старомодные, с облупившимися краями и несочетающимися пёстрыми подушками. Одна из подушек в форме кошки была обшита рыжим мехом, а когда мы подошли поближе, она выгнула спину и оказалась настоящим живым котом.

– Это Спот, наш любимчик, – мимо проплыла девушка и поставила на стол тарелку. Ну конечно! Сестра-близнец Грейсона, ошибиться тут было невозможно. У неё были те же светло-карие глаза.

– А вы, наверное, Лив и Мия. Энн столько о вас рассказывала. Какая же у тебя милая причёска, – казалось, улыбки давались ей так же легко, как и брату, они выходили даже более симпатичными, потому что на щеках девушки при этом появлялись ямочки, нос был немножко курносый, а лицо – нежным, покрытым веснушками. – Я Флоранс. Рада с вами познакомиться.

Она казалась маленькой и хрупкой, но с эффектными формами, лицо её обрамляли блестящие тёмно-каштановые локоны, мягко спадающие на плечи. Мы с Мией уставились на Флоранс, выпучив глаза. Она была просто

невообразимо красивой.

– Какое элегантное платье, Энн, – сказала она маме, голос у неё был при этом слаще мёда. – Голубой цвет тебе так к лицу.

Неожиданно я ощутила себя не только грубой, худосочной и длинноносой, но ещё и совершенно незрелой. Мама права – хорошими манерами мы, увы, не обладаем. Мы только и умеем, что разбрасывать направо и налево хмурые взгляды, дерзости (и швейцарский сыр), лишь бы досадить маме как можно сильнее. Будто вредные малыши в супермаркетах, которые сметают с полок всё, что им попадает под руку, и в слезах катаются по полу. Флоранс и Грейсон же, напротив, были на высоте, держались достойно, как взрослые. Абсолютно безупречное поведение: они улыбались, делали комплименты и вели непринуждённую беседу. Возможно, они действительно радовались тому, что их папа встретил нашу маму. Но вероятно, только притворялись. В любом случае, в соревновании по светским манерам они тут же положили нас на обе лопатки.

Смутившись, я решила, что с этого же момента начинаю вести себя так же вежливо и достойно. Хотя это и не так легко, как может показаться на первый взгляд.

– Салатов совсем немного, надеюсь, вы нас простите, – все заняли свои места, и Флоранс продолжала улыбаться нам с противоположной стороны стола. – Миссис Димблби купила слишком много дичи. Вы любите перепелов с пюре из сельдерея?

Вот, началось. Сельдерей, тьфу.

– Звучит... интересно, – сказала я так вежливо и достойно, как только могла. Словечко «интересно» можно вернуть в любой ситуации.

– Я, к сожалению, вегетарианка, – сообщила Мия, как всегда, соображавшая быстрее, чем я. – Кроме того, я страдаю аллергией на сельдерей, прошу меня простить.

«А ещё ты доверху набита рождественским печеньем», – мысленно добавила я.

– Ах, тогда я могу сделать тебе бутерброд, – Флоранс так сияла, что хотелось прикрыть глаза от столь сильного света. – Вы поселились в городской квартире семьи Финчли, не так ли? Скажите, миссис Финчли до сих пор коллекционирует эти восхитительные фарфоровые фигурки?

Я соображала, стоит ли ещё раз отреагировать спасительным «Да, очень интересно», чтобы не выглядеть глупо, но тут Мия ответила за меня:

– Нет! Сейчас она собирает совершенно безвкусные мрачные вещи. Идиотских танцовщиц, которые плятятся в разные стороны.

Я резко опустила взгляд на тарелку, чтобы не захихикать. Что это за штуки там на блюде? В тонких красных тряпочках я узнала мясо, но из чего состоит эта кашеобразная смесь рядом с ним?

Грейсон, сидевший возле меня, казалось, прочитал мои мысли.

– Чатни – особое блюдо миссис Димблби, – тихо объяснил он. – Приготовлено из зелёных помидоров со специями.

– Ах, вот как. Интересно, – я сунула в рот вилку, наполненную этой смесью, и тут же чуть не выплюнула всё обратно. На какой-то момент я забыла, как решила вести себя в обществе. – Там что, изюм? – недоверчиво спросила я Грейсона.

Он не ответил. Юноша вытащил из кармана свой мобильный телефон и под столом глядел на экран. Я бы тоже не прочь была приобщиться, узнать, что же он там рассматривает, так, из чистого любопытства. Но мне нужно было сначала закончить борьбу с жутким чатни. Кроме изюма, там, скорее всего, были лук, чеснок, карри, имбирь и... да! Совершенно точно! И корица. А также что-то, расплывшееся на языке и между зубов, словно прогнившие деревянные пуговицы. Очевидно, миссис Димблби решила не утруждать себя выбором ингредиентов и просто набросала в кастрюлю всё, что попало ей под руку и от чего надо было срочно избавиться. Если это – её особое блюдо, то не хотелось бы мне попробовать еду, которую она готовит впервые.

Мия злорадно заулыбалась, когда я наконец залила вкус этого варева у себя во рту глотком апельсинового сока.

– Но ведь Финчли возвращаются из Южной Африки уже в следующем месяце, разве нет, пап? – спросила Флоранс.

– Да, это так. С октября квартира нужна им самим, – Эрнест бросил на маму беглый взгляд и глубоко вздохнул. – Как раз это мы и хотели обсудить со всеми вами сегодня вечером.

Экран телефона на коленях у Грейсона замигал. Почувствовав моё любопытство, Грейсон опустил телефон ещё ниже, будто опасаясь, что я могу что-то прочитать. Но меня его переписка нисколько не интересовала. Гораздо более любопытной казалась мне татуировка на его запястье. Чёрные буквы были наполовину скрыты рукавом свитера.

– Ты член команды блондинов из моей новой школы, – прошептала я. – Именно поэтому мне показалось, что я тебя уже где-то видела.

– Что-что?

– Мы уже знакомы. Я видела тебя и твоих друзей в школе сегодня утром.

– Что, правда? Не припоминаю.

Конечно нет. Он ведь даже не удостоил меня тогда своим взглядом.

– Не страшно. Славная татуировка.

Sub im... Дальше я прочитать не могла.

– Что? – он последовал за моим взглядом. – Ах, это. Только не татуировка, а фломастер. Делал пометки на уроке латыни.

Да, так я тебе и поверила.

– Интересно, – сказала я. – Ну-ка покажи!

Но Грейсон и не думал продолжать беседу. Он ещё ниже опустил рукав и снова уставился в экран телефона.

Вот это было действительно интересно. Задумавшись, я машинально сунула в рот ещё немного чатни. Роковая ошибка. Во второй раз кушанье оказалось ещё более противным. Как бы там ни было, на сей раз мне удалось определить, что это за гнилые деревянные пуговицы. Грецкие орехи.

– Да, действительно так... – Эрнест торжественно обвёл взглядом всех присутствующих и взял маму за руку. Мама натянуто улыбалась букету из голубых гортензий, который стоял в центре стола. Сейчас, без сомнений, должно произойти что-то серьёзное.

– Энн... то есть ваша мама... то есть... – Эрнест кашлянул и начал сначала. На этот раз он больше не заикался, зато голос его зазвучал так, будто он держит речь перед экономической комиссией Евросоюза. – Мы с Энн полагаем, что фиаско с коттеджем можно трактовать как знак, и решили консолидировать наши отношения и диспенсировать жилищный вопрос методом... фузии.

После этого заявления на несколько секунд воцарилась полнейшая тишина. Но потом вдруг на меня напал страшный кашель, потому что, судорожно вдыхая воздух, я нечаянно подавилась изюминой. Мне понадобилось довольно много времени, пока я смогла... диспенсировать эту проблему. Глаза мои слезились, но я отчётливо видела, что Флоранс, сидевшая напротив меня, вдруг перестала улыбаться. Даже солнце больше не светило в наше окно, теперь оно направляло свои лучи на крышу соседнего дома. Только Грейсон до сих пор был занят мобильным телефоном. Может, он как раз искал в Гугле слово «консолидировать». Хотя всё было ясно как божий день.

– Лотти говорит, что если человек хочет использовать иностранные слова, он должен, по крайней мере, делать это правильно, – заявила Мия.

– Да, что всё это значит, папа? – голос Флоранс больше не звучал так сладко. Теперь он чем-то напоминал мне этот злосчастный чатни. – Что вы ищете общую квартиру? Уже сейчас? Но вы знакомы всего полгода...

– В некотором роде... Вообще-то нет, – Эрнест по-прежнему улыбался, но на его лысине выступили капельки пота. – После длительных размышлений... в нашем

возрасте дорогостоящее... – он покачал головой. Кажется, его самого страшно раздражало собственное заикание. – Дом достаточно большой, чтобы вместить нас всех, – решительно закончил он.

– Вы ведь здесь выросли, – сказала мама. Уголки её губ чуть подрагивали. – Мы ни в коем случае не хотим срывать вас с места в последний год учёбы.

Да, куда уж там. Переезды – это не для тонкой детской души. Достаточно посмотреть на нас, чтобы в этом убедиться. Мия издала странный звук, совсем как Кнопка, если ей наступить на лапу.

– Мы должны переехать в этот дом, сюда? – наконец тихо спросила она. – И жить здесь все вместе?

Эрнест и мама, которые до сих пор держались за руки, коротко переглянулись.

– Да, – сказал Эрнест твёрдым голосом. Мама утвердительно кивнула.

Тогда-то до меня дошло.

– Но это же полный бред, – Флоранс отодвинула от себя тарелку. – Дом как раз подходящего размера, чтобы в нём без труда разместились мы втроём. Но где, скажи, поселить здесь ещё троих человек?

– Четверых! – хотела сказать я. Она забыла о Лотти. Но из горла у меня вырвался лишь хрип. Наверное, всё из-за этой изюмины.

– Дом огромный, Флоранс, – возразил Эрнест. – Здесь шесть спален. Если мы немного потеснимся, все отлично поместятся. Я подумал, что Грейсон может перебраться в мансарду, тогда Мия и Лив...

– Что? – Флоранс почти завизжала. – Это мои комнаты под крышей. Я совершенно точно не собираюсь их никому отдавать. И уж тем более делить ванную с Грейсоном! Эй, скажи же и ты хоть что-то!

Грейсон скорчил растерянную мину. Он ни разу не оторвал глаз от своего телефона. Казалось, он решает там проблемы мирового масштаба. Ну и нервы у

него!

- Э-м-м... да, - сказал он. - Почему бы Флоранс не остаться в мансарде? На втором этаже тоже достаточно комнат.

- Скажи, ты вообще слушаешь, о чём идёт речь? - Флоранс уставилась на брата в полном изумлении. - В следующем месяце они уже хотят переехать! Скажи же, что у нас действительно нет для них места! Мансарда - это бабушкина комната, в моей бывшей комнате теперь папин кабинет, угловая комната - для гостей, а в шкафу, который стоит в твоей комнате, сложены все мои зимние вещи...

- Фло, золотце, а сейчас послушай, прошу тебя... - капельки пота на лбу Эрнеста казались теперь немного больше. - Я понимаю, может возникнуть чувство, будто тебя ограничивают, но...

- Но что? - прошипела Флоранс.

При всей сложности положения я не могла не обрадоваться тому, что она наконец перестала вести себя так вежливо и прилично. Этот истеричный голос и глаза, искрящиеся яростью, вызывали во мне гораздо больше симпатии. Мы с Мией переводили взгляд то на неё, то на Эрнеста, будто на теннисном матче. Мама судорожно уставилась в букет, а Грейсон продолжал пялиться в экран сотового. Может, он как раз искал в Гугле выражения «новая семья после распада старой» и «первая помощь».

- Это ведь не будет продолжаться вечно, - сказал Эрнест. - Сама посуди, в следующем году вы будете приезжать домой в лучшем случае на каникулы...

Флоранс его перебила:

- И чтобы не чувствовать себя одиноким, ты решил привести в дом жену и двоих детей на замену? Может, подождёшь, пока мы уедем?

Да, а лучше ещё несколько лет.

Тут голос Эрнеста стал тверже.

– Я понимаю, что тебе, как и всем нам, непросто привыкнуть к новому положению вещей. Но я уже всё решил, – он вытер пот со лба. – Нам нужно лишь немного передислоцироваться. Если Грейсон займёт мансарду...

– Которая, вообще-то, является бабушкиной комнатой! – Флоранс закричала так громко, что рыжий кот, сидевший на диване в паре метров от стола, спрыгнул и скрылся из виду. Это был довольно толстый котик. – Ты её уже поставил в известность? Конечно нет! Как удобно, ведь бабушка как раз отправилась в путешествие на другой конец света и ни о чём не догадывается.

– Флоранс...

– Где же ей теперь спать, если она захочет нас навестить?

– Только не драматизируй. Ваша бабушка живёт в двадцати минутах отсюда. Ей вообще не нужна комната тут, она всегда может проведать нас и вечером уехать к себе... Но если тебе так хочется, ты можешь забирать и мансарду, тогда Грейсон просто останется в своей прежней комнате, Мия получит угловую, а для Лив я освобожу кабинет, – Эрнест улыбнулся маме. – Я и так слишком много работаю, впредь буду стараться хотя бы дома этого не делать.

Мама робко улыбнулась в ответ.

– Погоди-ка. Но если Лив и Мия тоже получают комнаты на втором этаже – кому ты хочешь отдать мою мансарду? – Флоранс бросила на маму сверлящий взгляд. – Не тебе ли?

– Нет, – испуганно сказала мама. – Мне вообще нужно очень мало места, правда. Я ни на что не претендую. И все мои пожитки – это пара ящиков с книгами. Нет, ваш папа думал предложить комнаты наверху Лотти.

Теперь Флоранс уже действительно трясло от ярости.

– Няне? – взвизгнула она и возмущённо наставила на нас указательный палец, чуть не уткнув его прямо Мие в лоб. – А не слишком ли они взрослые? И ради этого я должна отдать своё место под крышей и делить ванную с тремя людьми? Это уже ни в какие ворота не лезет!

– Лотти – больше, чем просто няня. Она возьмёт на себя почти всю работу по дому, покупки и готовку, – сказал Эрнест. – А также... в сложившейся ситуации... не стоит сбрасывать со счетов важный эмоциональный фактор.

– Что это ещё значит?

– Что Лотти нужна нам, – тихо сказала я.

– Конечно же, не навсегда, – поспешно добавила мама. – Флоранс, ты абсолютно права, Мия и Лив уже действительно слишком взрослые, им не требуется опека няни. Возможно, Лотти останется у нас ещё на год или даже на полгода... – Она заметила, что нижняя губа Мии задрожала, и добавила: – Просто поглядим, сколько времени Лотти ещё будет нам нужна.

Я крепко сжала руку Мии под столом. «Только не плакать», – уговаривала я про себя сестру. Потому что если расплачется Мия, то за ней зареву и я.

– А что же будет с миссис Димблби?

– Миссис Димблби уже давно поговаривала о том, что ей хочется сократить свою ставку, – сказал Эрнест. – Она будет рада, если мы будем приглашать её всего один или два раза в неделю.

– Грейсон! Ты это слышал? – закричала Флоранс.

Грейсон поднял голову. Он до сих пор был полностью поглощён своим телефоном.

– Конечно, – кивнул он.

Но от Флоранс сейчас не так-то просто было отделаться. Она решила подытожить ещё раз последние новости сегодняшнего вечера и снова закричала:

– Папа хочет, чтобы Энн и девочки переехали к нам, чтобы мы отдали им все свои комнаты и вчетвером делили одну ванную! – В этом месте мне показалось, что оконные стёкла вот-вот задрожат, так громко она орала. – Нет, и это не всё –

он решил уволить миссис Димблби и поставить на её место няню Энн! Которая поселится в моей комнате под крышей!

- О, - сказал Грейсон. - Да, не круто. Теперь, чтобы попасть в кладовую к бильярдному столу, нам придётся каждый раз проходить через её комнату.

Флоранс застонала.

- Слушай, ты вообще понимаешь смысл папиных слов? Через три недели они уже сюда переедут...

- Вообще-то через две, если быть точным. Я специально взял выходной на работе, - уточнил Эрнест. - А до этого надо успеть провести мелкие ремонтные работы.

- Они прикатят сюда со всем своим добром, да ещё и с няней в придачу!

- И с собакой, - добавила Мия.

- И с собакой, - повторила Флоранс.

Казалось, силы её покинули, она больше не кричала, а последние слова вообще произнесла шёпотом. Как будто по заказу, в этот момент у стола появился рыжий кот и громко замыкал. Видимо, вопли Флоранс нисколечко его не испугали, а скорее наоборот.

Эрнест улыбнулся. Улыбка вышла немного натянутой, но всё-таки это была самая настоящая улыбка.

- Ну что ж. Значит, решено. Спот, старина, пойдём-ка на кухню за перепелами! Хочешь мне помочь, Энн?

Мама так поспешно встала, что чуть не утянула на себя скатерть со всеми приборами и едой.

- С превеликой радостью, - сказала она.

Кот последовал за ними на кухню.

Глава шестая

Грейсон, Флоранс и мы с Мией продолжали молча сидеть за обеденным столом. Наверное, так чувствует себя человек, которого накрыло лавиной. Я, конечно, догадывалась, что Эрнест и мама собираются жить вместе, но что это случится так скоро, предугадать было невозможно. Новость меня ошарашила. Кажется, они действительно были уверены в своих чувствах друг к другу.

Тишину прервало негромкое жужжание – это завибрировал телефон Грейсона.

– Так я и знала, – с горечью произнесла Флоранс. – Ах да, спасибо за поддержку, Грейсон.

– Прости, – Грейсон смотрел только на экран телефона. – Но ведь они уже всё решили, разве нет? А вчера ты сама говорила, что очень рада за папу.

– Да, я и правда рада. Но кто же мог подумать, что они будут действовать так быстро. Они же едва знакомы! И вообще, она – американка. А значит, вполне может оказаться мошенницей, психопаткой или...

– Миссионеркой, клептоманкой, республиканкой или свидетельницей Иеговы, – продолжила я.

– Не смешно ни капельки, – фыркнула Флоранс.

– Ты что-то имеешь против свидетелей Иеговы? – ележным голосом поинтересовалась Мия.

Грейсон отодвинул стул и встал, так и не оторвав глаз с экрана своего телефона. Скорее всего, он снова не услышал ни словечка.

– Мне надо ненадолго выскочить на улицу и кое-что выяснить. Скажи папе, что я очень скоро вернусь. Кстати, оставь мне двух-трёх перепелов, я просто умираю от голода.

– Но ты же... – Флоранс возмущённо уставилась на брата. – Ты вообще хоть что-то заметил?

Я кашлянула.

– Мне нужно в туалет. Ты не подскажешь...

– Очень скоро это будет и твой дом, так что, думаю, ты в состоянии сама найти дверь туалета, – едко заметила Флоранс.

– И то правда, – сказала я. Не может же это оказаться такой уж сложной задачей. Я встала и вышла в коридор следом за Грейсоном.

– А сейчас, будь добра, расскажи, является ли твой папа опасным террористом, которого разыскивают по всему миру, или серийным убийцей? – услышала я, выходя, сладкий голос Мии.

Что ответила Флоранс, я уже разобрать не успела.

Первая дверь, которую я открыла, вела в чулан со щётками, но вот за второй, расположенной возле самой лестницы, находился гостевой туалет. Я зашарила руками по стене в поисках выключателя.

– Чёрт подери, ну почему именно сегодня ночью!

Сквозь приоткрытое окно доносился голос Грейсона. Кажется, он вышел из дома, чтобы позвонить кому-то. Я решила не включать свет и пробралась поближе к окну, чтобы лучше слышать его слова.

– Да, я в курсе, что сегодня новолуние, но, может, мы всё-таки перенесём всё это на завтрашнюю ночь, в виде исключения? У нас тут полный бардак, я вообще не в курсе, смогу ли сегодня отправиться спать... Да-да, ясное дело, новолуние ради меня перенести нельзя... Нет, конечно же я этого не хочу. Ну что ж, будь по-вашему. Передай Артуру, что я очень постараюсь... Надеюсь, я разберусь, где это... Это всё из-за тебя, точно? Так я и думал... Нет, завтра расскажу. Если я не найду в дом прямо сейчас, сестра меня убьёт на месте... Да, спасибо за сочувствие. До скорого.

Хм-м-м. Интересно. В темноте я опустилась на крышку унитаза, совершенно забыв, зачем здесь оказалась. Несмотря на все перипетии сегодняшнего вечера, я чувствовала, что внутри меня растёт радостное возбуждение. Что же так сильно отвлекло сегодня вечером Грейсона от нашей семейной трагедии? И какие такие действия можно было предпринять только в новолуние? И что означают эти латинские слова на его запястье? Ясно как божий день – мой названный братец скрывает какую-то тайну. А я обожаю тайны.

В неуместно прекрасном настроении я вернулась в столовую, и как раз вовремя, потому что сразу за мной зашёл Грейсон. А следом за ним свидетельница Иеговы и серийный убийца внесли перепелов.

Остаток вечера прошёл сравнительно мирно. По крайней мере, до того самого момента, когда я с таким размахом опрокинула стакан, что вся моя блузка, от воротничка и до последней оборки, пропиталась апельсиновым соком. Эрнест только-только налил его мне в стакан и бросил туда несколько кубиков льда. Весь сок и лёд оказались на мне, и я тут же застучала зубами от холода.

– Этого-то я и ждала весь вечер! – сказала мама с интонацией «поглядите-я-тоже-могу-остроумно-шутить». – Мои мышата просто настоящие специалисты в опрокидывании на себя наполненных стаканов.

– Но мама! Последний раз, когда это произошло, мне было семь лет! Уф-ф-ф, это ещё что такое?

В моём лифчике таял кубик льда. (Если бы я послушалась Лотти и застегнула две верхние пуговицы на своей блузке, этого бы не случилось.) Я поспешно выловила ледышку и выложила её на тарелку – сейчас мне было наплевать, противоречит ли это правилам хорошего тона. По взглядам Флоранс и Грейсона

тут же стало понятно, что в приличном обществе так не поступают.

– Да, точно, – подтвердила Мия. – Если уж быть точными, то специалист в этом деле – я.

– Кола! На моей клавиатуре, – вспомнила мама. – И смородиновая шипучка на белых скатертях. И всевозможные фруктовые коктейли на коврах.

Я не решалась выжать свою блузку, потому что сок закапал бы с неё прямо на ковёр персикового цвета, который выглядел довольно дорогим.

Эрнест посмотрел на меня с сожалением.

– Флоранс, будь так добра, дай Лив что-нибудь из своего гардероба, она не может ехать домой в таком виде. Ей же холодно.

– Понимаю! – Флоранс скрестила руки на груди. – Сначала я должна убраться из своих комнат, а теперь ещё и принести ей свои вещи, да?

Надо отдать Флоранс должное: она осталась за столом вместе со всеми, хотя после большого скандала, разразившегося вначале, вполне могла бы хлопнуть дверью, с рёвом броситься на кровать у себя в комнате и больше не выходить. Так бы поступила я. Но Флоранс преспокойно сидела на своём месте, обгладывая очередного перепела, и даже участвовала в беседе, хотя её реплики были не очень-то многословными. Может, она просто боялась оставлять своего папу наедине с нашей мамой. Эрнест и мама же изо всех сил делали вид, что события последнего часа полностью стёрлись из их памяти. Они болтали о чём угодно, но только не о предстоявших переменах. А я всё следила за рукавом Грейсона в надежде, что он снова задерётся и покажутся таинственные слова на его запястье. А Грейсон за это время разделался как минимум с четырьмя птичками, искусно разламывая бедные крылышки (при каждом хрусте костей Мия вздрагивала. Кажется, она действительно была близка к тому, чтобы стать вегетарианкой). Поэтому возможности заглянуть Грейсону под рукав мне не представилось.

– Флоранс! – укоризненно сказал Эрнест.

- Папа! - отозвалась Флоранс тем же тоном.

- Да ладно вам, - махнула рукой я. - Само высохнет.

Угу. Примерно послезавтра.

- Глупости. Ты же промокла до нитки, - Эрнест нахмурил лоб. - Флоранс сейчас поднимется наверх и принесёт тебе свитер.

- Флоранс даже не подумает этого сделать, - сказала Флоранс и с вызовом посмотрела ему в глаза.

- Флоранс Сесилия Элизабет Спенсер!

- И как же ты собираешься меня наказать, пап? Оставить без сладкого?

- Хватит уже! - Грейсон отложил перепелиную ножку, которую как раз обгладывал, и встал. - Она получит мой свитер.

- Ах, какой рыцарский поступок, - прошипела Флоранс.

- Не стоит, правда, - выдавила из себя я, стуча зубами от холода, но Грейсон уже скрылся за дверью.

- Он так нуждается в гармонии и опасается конфликтных ситуаций, - сказала его сестра в пустоту.

- Крутое имя, - Мия поглядела на Флоранс широко раскрытыми глазами. - Знаешь, тебе крупно повезло. Мама навесила нам с Лив вдобавок к нашим имена своих любимых тётушек Гертруды и Вирджинии.

На долю секунды лицо Флоранс просветлело.

- Тётушек зовут в честь Гертруды Стайн и Вирджинии Вульф, - пояснила мама. - Двух выдающихся писательниц.

– С idiotскими именами, – добавила Мия.

Мама вздохнула.

– Мне кажется, пора нам собираться домой. Спасибо за прекрасны... – она запнулась и кашлянула. Ей самой стало ясно, что преувеличения тут не к месту. – Спасибо за вкусный ужин, Эрнест.

– Да, большое спасибо, – поддакнула Мия. – Теперь я могу ещё лучше оценить кулинарные способности Лотти.

Могу поклясться, что, когда Эрнест встал со стула и подал маме руку, уголки его губ дрогнули.

– Миссис Димблби приготовила ещё и десерт, но если вы решите покинуть нас сейчас, я пойму... Ведь уже поздно, а завтра утром детям надо идти в школу. Я вызову такси. Через пару минут оно будет здесь.

– Вот, – сказал Грейсон, заходя в столовую. – Только из стирки.

Он протянул мне серый свитер с капюшоном, и пока Эрнест вызывал такси, я забежала в гостевой туалет и сменила мокрую блузку на свитер Грейсона. Он действительно пах порошком и ещё чуточку жареными хрустящими перепелами. Которые, кстати, оказались довольно-таки вкусными.

Когда я вышла, все собрались в коридоре, ожидая меня. Лишь Флоранс видно не было. Наверное, она уже отправилась паковать свои вещи.

Грейсон устало улыбнулся мне.

– Отлично смотрится. Только размеров на шесть больше, чем нужно.

– Я люблю просторную одежду, – сказала я, скомкав свою блузку. – Спасибо. Я тебе его верну... Когда-нибудь.

Он вздохнул.

– Насколько я понимаю, мы теперь будем видеться довольно часто.

– Этого не избежать.

Ой. Надеюсь, мои слова не прозвучали как радостное ожидание. Я бросила последний взгляд на его запястье, но загадочная надпись, к сожалению, всё ещё была скрыта под рукавом.

Глава седьмая

На этот раз мама бросила Гензеля и Гретель, то есть меня и Мию, не в лесу, а в коридоре у Эрнеста. Затем она прошептала своё коронное «Это для вашего же блага!» и скрылась за дверью.

– Ты слышишь? – спросила Мия. – Здесь неподалёку кричат перепела.

– Правильно! – дверь чулана со скрипом отворилась и оттуда вышла... Лотти. Она размахивала топором. – Мне может понадобится помощь. Кто-то должен поддержать шеи этим птицам, чтобы мне было удобнее их резать.

– Если ты, няня, не будешь работать как следует, папа тебя уволит и возьмёт обратно миссис Димблби, – коридор быстрыми шагами пересекала Флоранс. На ней были коньки и чёрная балетная пачка. Перед гардеробом она сделала пируэт и одарила нас очаровательной улыбкой. – Вы ищете пряничный домик, не так ли? Ведьма будет очень рада с вами познакомиться. Грейсон, расскажи им, как туда пройти.

Грейсон стоял возле гардероба, прислонившись спиной к стене. Он на секунду оторвал взгляд от своего телефона и указал нам на дверь, за которой исчезла мама. Ручка этой двери была сделана из огромного ванильного полумесяца.

– Вам туда, мышата, – сказал он, и Мия тут же бросилась бежать.

– Да это же ловушка, ты, глупый Гензель! – хотела крикнуть я, но в горле будто что-то застряло. И прежде чем я успела что-либо сделать, Мия потянулась к ванильному полумесяцу. Тут откуда ни возьмись появилась лапа, схватила Мию за воротник и утащила неизвестно куда.

– Теперь мне нужно делить ванную только с одной маленькой перепёлкой, – смеясь, сказала Флоранс. – Ну же, Лив, будь умничкой и отправляйся следом за сестрой.

– Нет, прошу тебя, не делай этого, – прошептала Лотти за моей спиной. – Ведь сейчас только сентябрь, ещё слишком рано для рождественского угощения, – она указала топором на зелёную дверь рядом с чуланом. – Здесь ты будешь в безопасности.

– Даже не думай об этом! – прошипела Флоранс и устремилась на своих коньках ко мне меня. Я рванула к зелёной двери, распахнула её, ввалилась внутрь и закрыла её за собой на замок, на долю секунды опередив Флоранс, ринувшуюся мне наперерез. Только сейчас мне стало ясно, что я всего лишь вижу сон, причём довольно нелепый. (Растолковать который, вообще-то, не составляло труда, вот только что, интересно, значили коньки на ногах у Флоранс? Что хотело этим сказать моё подсознание?) Но моё сердце всё равно забилося чаще от переполнявшего меня волнения.

Я несмело огляделась по сторонам. Сейчас я оказалась в другом коридоре, невероятно длинном, с бесконечными дверьми справа и слева. Дверь, через которую я сюда попала, была окрашена в ярко-зелёный цвет, с тёмной старомодной металлической обивкой, щелью для писем из того же металла и элегантной медной ручкой в форме изогнутой ящерицы. Я решила вернуться обратно, потому что в этом сне Флоранс меня больше не пугала. Мне так хотелось показать ей, как хорошо я владею кунг-фу. Во сне, естественно, гораздо лучше, чем наяву. Но только я ухватила за ручку-ящерицу, как почувствовала, что за моей спиной что-то происходит. Рядом отворилась ещё одна дверь и кто-то вышел в коридор. Это был Грейсон. Он стоял всего в нескольких шагах от меня, но, кажется, не замечал ничего вокруг. Грейсон осторожно прикрыл дверь, бормоча про себя что-то непонятное. Затем он глубоко вздохнул, снова открыл дверь и исчез. Я отпустила ручку-ящерицу и приблизилась к двери Грейсона. Она была как две капли воды похожа на покрытую белым лаком входную дверь дома Спенсеров, включая ступеньки и

массивную каменную статую, которая была наполовину орлом, наполовину львом. Когда я подошла поближе, статуя зыркнула на меня, подняла львиную лапу и сказала на удивление тоненьким голоском:

- Сюда может зайти лишь тот, кто произнесёт моё имя три раза задом наперёд.

А-а-а, загадка, значит. Я любила загадки. Правда, они могли бы быть и посложнее.

- Ты - Страшила Фредди, - сказала я.

Каменная фигура величественно кивнула клювом.

- Просто Фредди, если позволите.

- О, да это же слишком просто, - разочарованно произнесла я, моё подсознание во сне, очевидно, не слишком отличалось изобретательностью. - Иддерф, Иддерф, Иддерф.

- Правильно, - пискнул Фредди. - Можешь заходить.

- Ну что ж, - я толкнула дверь ногой. Но, переступив порог, оказалась вовсе не в доме Спенсеров, а на каком-то лугу. Была ночь, но я отчётливо различала деревья и камни, торчавшие из земли. Совсем близко от меня Грейсон включил свой фонарик, и по траве забегал круг света.

Такой поворот событий нравился мне куда больше, чем прошлая версия моего сна с Гензелем и Гретель.

- Это что, кладбище? - спросила я.

Грейсон осмотрелся вокруг, осветил фонариком мне в лицо и вскрикнул от испуга.

Я улыбнулась ему в ответ.

– Что, чёрт возьми, ты здесь забыла? – свободной рукой он потёр лоб. – Прошу тебя, уходи.

– Да, это кладбище, – сама себе ответила я. Невдалеке я различила силуэты каменных крестов, колонн и статуй. Вообще, моё зрение стало вдруг просто отличным, оно улучшалось с каждой секундой. – Мы на Хайгейтском кладбище, не так ли?

Грейсон меня игнорировал. Он опустил луч фонарика вниз, рассматривая надгробную плиту.

– Как круто. Мне доводилось видеть Хайгейт на фотографиях и так хотелось побывать здесь, – сказала я. – Только всё же не ночью.

– Мне тоже, – невольно поддержал меня Грейсон. – Снова они назначили совершенно идиотское место встречи, – сказал он, скорее не мне, а себе самому. – Будто нам и так недостаточно страшно. Кроме того, дальше собственного носа здесь ничего не видно.

– Мне видно, – я еле сдерживалась, чтобы не подпрыгнуть от возбуждения. – В темноте я вижу не хуже кошки. Правда, только во сне, но это всё равно круто. А в жизни без очков или контактных линз я слепа как крот. Что же мы ищем?

– Мы ничего не ищем, – казалось, Грейсон очень нервничал.

Он высвечивал фонариком надписи на могилах и надгробных плитах, которые попадались нам на пути. Они, наверное, стояли здесь не одну сотню лет. Многие из них потрескались и поросли плющом, некоторые могилы охраняли покрытые мхом фигуры ангелов. В темноте у самой земли мерцали клочья тумана, дополняя стильный образ, отовсюду доносился шелест – это ветер шумел в листве. Здесь наверняка водились крысы. И пауки.

– Я ищу могилу Кристины Россетти.

– Это твоя подруга?

Грейсон хмыкнул, но на сей раз всё-таки ответил. Кажется, он смирился с моим присутствием.

– Кристина Россетти была поэтессой викторианской эпохи. Неужели вы не проходили её стихотворения в школе? Где тёмная река как небо глубока... Что-то в таком духе, там дальше о звёздах, тенях, соловье.

– И вся во власти сна – её не разбуди, – от тени плакучей ивы отделилась фигура и, продолжая стихотворение, приближалась к нам. Это был парень, которого я сегодня утром опередила в поимке грейпфрута, тот самый тип из аэропорта со спутанными волосами. Как мило, что он тоже решил появиться в этом сне, – я успела уже совершенно о нём забыть.

– Был путь её далёк,

И свет звезды увлёл,

Манившей за собою —

И в тень, что впереди[4 - Кристина Россетти «Страна снов», перевод с англ. Н. Зайцевой.].

Хм, неплохо для начала. Мальчишки, которые знают наизусть стихотворения. Значит, они существуют. Пусть хотя бы во сне.

– Генри, – узнав собеседника, Грейсон с облегчением поздоровался.

– Куда ты запропастился, дружище? Могила Россетти вон там, позади, – Генри указал куда-то за спину. – Я же тебе сказал, наш ориентир – мрачный ангел в накидке с капюшоном.

– В темноте они здесь все какие-то мрачные, – Грейсон и Генри поприветствовали друг друга каким-то странным движением, которое состояло из хлопка, скрещенных пальцев и собственно рукопожатия. Как симпатично.

– Хорошо, что ты тут, а то бы я блуждал здесь в темноте ещё невесть сколько времени.

– Да, я так и подумал. Джаспер тоже ещё не нашёл, Артур пошёл за ним. Кто это там, рядом с тобой? – Кажется, Генри не обладал таким острым зрением в темноте, как я. Он узнал меня далеко не сразу. Но когда это случилось, то вскрикнул. – Почему, скажите на милость, я вижу во сне сырную девочку? До этого я встретил Плама, моего кота, которого переехала машина, когда мне было двенадцать лет. Он ластился ко мне и урчал.

– О, как мило, – сказала я.

– Нисколечко не мило. Потому что выглядел он точно так же, как и в последний раз, когда я его видел: весь в крови и с кишками наружу... – Генри вздрогнул. – По сравнению с ним ты действительно радуешь глаз. Хотя... Не представляю, что ты тут делаешь. А ну-ка, исчезни! – он замахал руками, будто отгоняя назойливую муху. – Я сказал, исчезни, сырная девочка! Отвали! – Я не сдвинулась с места, и сей факт, казалось, его очень разозлил. – Почему это она не исчезает?

– Может, потому что я не обязана отзываться на сырную девочку, ты, идиот, – процедила я.

Грейсон откашлялся.

– Боюсь, она... э-э-э... она здесь со мной, Генри, – по интонации чувствовалось, что ему за это стыдно.

– Ты что, знаком с моей сырной девочкой? – смущённо спросил Генри.

– Да, похоже на то, – Грейсон снова провёл тыльной стороной руки по лбу. – Как нам было объявлено сегодня вечером, она моя новая младшая сестричка.

– Вот бред! – Генри обеспокоенно нахмурился. – Ты хочешь сказать, что...

Грейсон кивнул.

– Я же тебе сказал, у нас дома полный бардак. Отличный выдался ужин. Флоранс была сама не своя, когда папа сообщил, что профессорша и две её дочери, а также няня и такса переезжают к нам. Через две недели.

– Но Кнопка никакая не такса, – возмутилась я. – Разве что кто-то из её далёких предков.

Ни один, ни другой не обратили на мои слова никакого внимания.

– Ох, мне жаль. Ещё и это на тебя сейчас свалилось, – Генри сочувственно положил руку Грейсону на плечо. Они шагали в том направлении, откуда появился Генри, по заросшей дорожке из мелкого гравия. Я семенила следом.

– Тогда твой папа и впрямь настроен серьёзно. Неудивительно, что ты видишь её во сне, – Генри обернулся ко мне. – Хотя, конечно, ты мог бы встретить и кого пострашнее. Она даже немножко милая, правда?

Грейсон тоже обернулся.

– И до сих пор идёт следом за нами.

– Да. Одной ей здесь как-то страшновато, – заметила я. – Кроме того, мне действительно очень интересно, что вы тут затеваете.

– Ты должен от неё избавиться, – сказал Генри Грейсону. – Действуй решительно! У меня с Пламом тоже так получилось. Он превратился в облачко дыма и растворился в воздухе. Ты мог бы, конечно, превратить её в дерево или надгробную плиту, но для начала просто прикажи ей исчезнуть.

– Ладно, – согласился Грейсон. Он остановился и ждал, пока я его догоню. При этом он глубоко вздыхал. – Что же мы делаем, Генри? Это же полный бред.

– Да, так оно и есть.

Грейсон огляделся по сторонам.

– Ты не боишься? – прошептал он затем.

– Ещё как, – серьёзно ответил Генри. – Но ещё больше я боюсь того, что может случиться, если мы этого не сделаем...

– Это кошмар, – выдохнул Грейсон, а Генри утвердительно кивнул.

– Ну, парни, хватит вам преувеличивать, – сказала я. – Вы вполне мирно прогуливаетесь по кладбищу, и я вместе с вами. Другие бы многое отдали за то, чтобы оказаться в таком вот славном сне.

Грейсон застонал.

– Ты всё ещё здесь.

– Просто прикажи ей убираться, – начал нервничать Генри. – Сосредоточься на том, чтобы она исчезла.

– Значит, так. – Грейсон твёрдо смотрел мне в глаза. Это был просто сон, поэтому я ответила ему таким же твёрдым взглядом. На ужине в сегодняшней реальности я бы не посмела этого сделать, кроме того, меня тогда больше привлекало его запястье. Но сейчас я сделала вывод, что мой новый братишка выглядел просто отлично, несмотря на своё сходство с Эрнестом и Флоранс. Всё, что у Флоранс было мягким и округлым, становилось у Грейсона угловатым и жёстким, особенно подбородок. Удивительно красивыми были его глаза – в этом приглушённом мерцающем свете они приобрели карамельный цвет. Взгляд Грейсона казался каким-то туманным, он блуждал от моих глаз к губам и обратно.

Ха! Отличный сон. Действительно замечательный. Надеюсь, сейчас не выскочит откуда ни возьмись Лотти с топором наперевес.

Генри кашлянул.

– Грейсон?

– Эм-м-м, да... – Неужели на щеках у Грейсона выступил лёгкий румянец? Он покачал головой. – Лив, прошу тебя, уходи.

– Только если скажешь, что написано у тебя на запястье, – выпалила я, чтобы преодолеть собственное смущение. – Sub im... А что дальше?

– Что?

– Sub umbra floreo, – ответил за него Генри. – Ты обязан действовать решительно, Грейсон, и ты должен этого по-настоящему хотеть.

– Но я хочу! – заверил его Грейсон. – Но она какая-то такая...

– Понимаю, о чём ты, – сказал Генри. И вдруг запнулся. – На ней что, твой свитер?

Я в замешательстве оглядела себя. Действительно, свитер с капюшоном, который мне одолжил Грейсон. Да ещё и поверх ночной рубашки. Когда я засыпала, мне вдруг стало так холодно, что пришлось встать и натянуть свитер. Кроме ночнушки и свитера, на мне были только серые шерстяные носки в горошек. Как это похоже на все остальные мои сны! Постоянно я оказываюсь одета совершенно неподобающим образом.

Грейсон застонал.

– Да, возможно, это мой свитер, – признался он. – О боже, ненавижу своё подсознание. Зачем оно это делает?

– Пойдём уже, могло бы быть гораздо хуже. Подумай только о бедном Джаспере и миссис Бекетт в бикини, – Генри засмеялся. – А сейчас поторопись, Джаспер и Артур уже наверняка нас ждут. То есть если Джаспер вообще смог сюда добраться.

– Надеюсь, что нет, – пробормотал Грейсон. – Тогда мы получим отсрочку до следующего новолуния...

– Sub umbra floreo – что это значит? «Под цветущей землёй»? – спросила я.

Генри захихикал.

– Латынь я учила всего полгода, – немного обиженным тоном призналась я. – И это было очень давно, так что я немного помню.

– Да, мы заметили, – усмехнулся Генри.

Грейсон с досадой замотал головой.

– Ну хватит уже. Уходи, Лив! – строго приказал он. – Исчезни отсюда!

Генри с интересом поглядел на меня. Наверное, ждал, что я вот-вот растворюсь в клубах дыма.

– Ну что ж, – сказала я после того, как ничего подобного не случилось и во взгляде Грейсона появилось отчаяние. – Если вы меня прогоняете, то я действительно уйду. Всего хорошего, – я развернулась и побрела по дорожке вверх.

Через плечо я видела, что Грейсон и Генри ещё пару секунд глядели мне вслед, а затем зашагали в противоположном направлении. Только они это сделали, как я тут же отошла на пару шагов в сторону и спряталась за широким стволом дерева. Неужели они действительно считают, что могут так просто от меня избавиться? Только не в тот самый момент, когда сон становился по-настоящему интересным.

Глава восьмая

Вот это было здорово! Это было действительно здорово. Преследуя Генри и Грейсона, я чувствовала себя Женщиной-кошкой или Джеймсом Бондом. Или даже Женщиной-кошкой и Джеймсом Бондом в одном лице. Круче всего было моё обострявшееся с каждой секундой зрение. Поблизости я не обнаружила ни одного фонаря, и даже луна не показывалась на небосводе, но я могла различать предметы довольно чётко, обходила свешивающиеся ветви и торчавшие из земли камни, что попадались мне на пути. Благодаря мягким шерстяным носкам ступала я тихо-тихо, следуя за мальчиками по пятам и каждый раз придумывая новое гениальное укрытие. Меня удивляло только

одно – как это я до сих пор не проснулась? Обычно время, когда я во сне осознаю, что сплю, и продолжаю при этом спать, всегда быстро заканчивалось, а уж особенно если речь шла о таком занимательном сне, как этот.

– А вот и вы наконец!

Луч фонарика Грейсона выхватил из темноты две тёмные фигуры. Наверное, это Артур и Джаспер. Я, как герой триллера, спряталась за надгробным камнем, ведь, вероятно, те двое тоже могут видеть в темноте словно кошки. Я осторожно подняла голову ровно настолько, чтобы подглядывать за мальчиками. В общем, вся эта история меня страшно увлекала.

– Вы не поверите, но Джаспер стоял у ворот и не мог войти, – это сказал Артур, если я правильно понимаю.

– Они были закрыты, – немного плаксивый голос принадлежал небритому Кену, который, к моей радости, был одет в клетчатую фланелевую пижаму. По крайней мере, я не единственная участница этого действия в неподходящей одежде. Второго мальчишку, Артура, я тоже видела сегодня утром в школе. Это был тот самый ангелоподобный парень с белыми локонами. Неземная красота!

– Я хотел перелезть через стену, но там меня поджидал сторож с собакой... и колючая проволока...

– Джаспер, это ведь сон! – нетерпеливо сказал Генри. – Тебе не обязательно заходить через ворота. И нечего бояться сторожа, потому что всё, что ты видишь, видишь только ты один – это лишь плод твоего воображения. Сколько раз я должен тебе это повторить, чтобы ты наконец понял? – он огляделся по сторонам, и я поспешно втянула голову в плечи. – Надеюсь, никакой сторож нам тут не помешает. Только что мы уже вынуждены были преодолеть одно... препятствие.

Это они обо мне. Вот наглость.

– Не волнуйтесь, о стороже и его собаке мы уже позаботились, – сказал Артур.

– Да, это было так круто, – присвистнул Джаспер. – Артур вызвал из ничего огненный шар, который...

– Нам надо спешить, – перебил его Генри. – Мы и так уже потеряли уйму времени, сейчас Джаспер, как всегда, проснётся и мы снова не успеем получить ответ.

– Нет, на этот раз такого не случится, – с гордостью сказал Джаспер. – Я принял ту же таблетку от мигрени, что пьёт моя мама. После неё она обычно спит без просыпу целых два дня.

– И всё же, давайте начинать, – решительно произнес Грейсон. – Я не уверен, хорошо ли закрыта дверь в мою комнату. Около трёх ночи Спот как угорелый начинает метаться по комнате и скрести когтями по ковру, чтобы его выпустили... Вы это видели? – он указал на туман. – Что это такое?

– Просто ветер, – сказал Генри. Именно в этот момент порыв ветра действительно прошёлся по веткам деревьев, но мне показалось, что в клубах дыма мелькнула чья-то фигура.

– Я просто подумал... – Грейсон уставился в темноту.

– Вот тут достаточно места, – Артур сделал ещё пару шагов вперёд и оказался возле старого кедра.

Остальные последовали за ним. Воцарилась напряжённая тишина. От возбуждения я покусывала нижнюю губу. Что, интересно, сейчас произойдёт? Очень надеюсь, что в этом сне на меня не выпрыгнет какой-нибудь скелет или наполовину разложившийся зомби-труп. Смотря фильмы ужасов, я всегда закрывала глаза на этом месте. Но мы-то находимся сейчас на кладбище, здесь такого поворота событий вполне можно ожидать. Я спросила себя, не слишком ли мой сон предсказуем, ну да ладно, главное, чтобы он оставался таким же интересным и напряжённым (только вот хотелось бы обойтись без пауков, если это возможно).

– Пятеро сняли печать, пятеро дали клятву, пятеро откроют ворота, так гласят письмена. Как и в каждое новолуние, мы пришли торжественно возобновить нашу клятву, – Артур поднял с земли палку и что-то начертил ею на земле,

передвигаясь широкими шагами по кругу. В том месте, которого касался кончик палки, трава вспыхивала и загоралась.

Я была поражена.

Остальные встали вокруг пылавшего знака. Артур при этом напевал что-то вроде заклинания, которое я, к сожалению, улавливала из-за своего могильного укрытия только обрывками, потому что трава в огне трещала слишком уж громко.

– ...Custos opasum... зная, что мы разожгли твой гнев... ты справедливо питаешь сомнения... клянёмся, что Анабель пожалеет обо всём, что случилось... она страдает... сделать всё, чтобы исполнить клятву... не наказывать её больше...

– И нас тоже, – вмешался Джаспер. – Мы же ничего не можем изменить... – заметив на себе недовольные взгляды остальных, он замолчал.

– Приди и заговори с нами... – продолжал Артур, а пламя поднималось всё выше. – ... foedus sanguinis... interlunium... ты, владелец тысячи имён, ты, обитель которого – ночь... нам нужно.... – остальные слова потонули в треске огня.

Что им было нужно? Кто такая Анабель и о чём она сожалеет? И какую такую клятву они собираются воскресить? Меня просто разрывало от любопытства, но я всё-таки не отваживалась подобраться ближе, боясь, что меня обнаружат. К тому же Генри время от времени оборачивался и поглядывал в моём направлении. В его глазах отражались языки пламени, и это выглядело устрашающе. Нет, подобраться поближе совершенно невозможно. Вот если бы я была, например, кошкой... Погодите-ка! Это ведь, вообще-то, сон. А значит, я могу превратиться в кого только пожелаю, хоть в кошку. Во сне мне уже не раз приходилось бывать каким-нибудь зверем. (Не всегда добровольно, правда. Содрогнувшись, я вспомнила сон, в котором была мышкой, а Лотти гонялась за мной со шваброй в руках.)

– ... custos opasum... просим тебя, покажи нам, кто должен занять пустующее место... non est aliquid absconditum... пожалуйста...

Я закрыла глаза и представила себе так чётко, как только могла, сову, которую мне посадили на руку в немецком парке, когда мне было девять. В темноте совы

видят даже лучше кошек, а главное – они умеют совершенно бесшумно летать. Снова открыв глаза, я обнаружила себя в полёте на высоте нескольких метров над землёй. Я сразу же вцепилась в ветку кедра когтями и сложила крылья.

Какой же это замечательный сон! Он милостиво обошёлся без той части истории, в которой мне надо было бы учиться летать, и сразу опустил меня на самое подходящее место, в очень удобный наблюдательный пункт. Прямо подо мной стояли четверо мальчишек, и сейчас мне было видно, что именно начертил Артур. Это оказалась большая пятиконечная звезда, пентаграмма, вписанная в круг. Рядом в некоторых местах трава продолжала гореть на высоте полуметра, но основной огонь уже понемногу угасал.

– Мы собрались в это новолуние, о Повелитель тьмы и теней, чтобы ты смог назвать имя того, кто снова завершит наш круг, чтобы мы смогли выполнить свою часть обещания! – кричал Артур.

О! Повелитель тьмы и теней – ну да. До этого всё звучало как-то более угрожающе и не так смешно. Хорошо, что он говорил по-английски, а не на латыни, так я хотя бы могла понять, о чём речь. Я с любопытством ждала, покажется ли Повелитель тьмы и теней.

Сначала языки пламени поднялись ещё выше, а затем земля в центре пентаграммы разошлась и оттуда с глухим громоханием выдвинулся какой-то предмет. Ладно, теперь стало уже по-настоящему жутко. Мой кедр дрожал, наверное, от страха, что из-под земли сейчас выберется какое-нибудь зомбиподобное существо (Повелитель тьмы и теней уж явно не был белым и пушистым), и я невольно закрыла глаза и обвила руками ветку. При этом я совершенно забыла, что сейчас являюсь совой и никаких рук у меня нет. Роковая ошибка. Когда я снова открыла глаза, когти и перья исчезли. В своём человеческом обличье, в ночнушке, свитере и в носках в горошек, я неуклюже прижималась к ветке, которая оказалась, кстати, слишком тонкой для моего человеческого веса. Она с хрустом сломалась, и я, как осколок скалы, цепляясь за всё, что попадалось мне на пути, обрушилась прямо в центр пентаграммы на то, что вылезло из-под земли. Это оказался никакой не зомби, а всего лишь гладкий каменный куб размером с кухонный стол.

Согласно всем известным мне законам природы, от такого удара о камень у меня должны были раздробиться все кости, но в этом сне подобные законы, к счастью для меня, не действовали. Мою голову засыпало кедровыми иголками, на колени

шлёпнулась шишка, но сама я даже не поцарапалась.

Не испытывая никакой боли, я поднялась и оглядела сосредоточенные лица парней, который стояли вокруг меня, широко раскрыв глаза.

Я чувствовала себя как-то неуютно, недостойно, что ли. Совсем не как Женщина-кошка. Такой поворот сюжета меня не устраивал. Я быстро закрыла глаза, надеясь, что смогу снова превратиться в сову и улететь прочь. Но сконцентрироваться на совах мне никак не удавалось, да это и не удивительно, когда на тебя со всех сторон таращатся с такой силой. Оробев, я стряхнула с себя иголки и пониже натянула ночную рубашку.

Четверо парней продолжали испуганно смотреть на меня, Грейсон и Генри чуть спокойнее, чем остальные.

– Я только что была совой, честное слово, – заверила я их.

Небритый Кен протянул руку и тронул меня за локоть.

– Это... ерунда какая-то, – сказал он. – Что всё это значит? Я думал, он покажет нам имя, а не бросит на алтарь девчонку целиком...

– Ты кто такая? – осведомился Артур, который при таком освещении выглядел как оживший ангел. Жутковатый такой ангел.

Неожиданный порыв ветра зашелестел листьями деревьев и сдул с лица Артура светлые локоны.

– Назови своё имя или... *abeas in malam crucem!*

Или что? Исчезни в плохом круге? Ах, какой позор, что я так мало учила латынь. По своей глупости я считала, что она никогда мне не пригодится. Я хотела бы попробовать ответить что-то в таком же возвышенном стиле (и при этом искусно вернуть единственную фразу на латыни, которую знала), нечто вроде: «О презренный, я – сестра Повелителя тьмы и теней, и *in dubio pro reo*[5 - При сомнении – в пользу обвиняемого (лат.)]», но, к сожалению, Грейсон и Генри знали, кто я такая.

Да и Джаспер тоже вспомнил. Он указал на мои ноги.

– Это же... миссионерская дочка, которая сегодня разгуливала по школе с младшей сестрой Пандоры Портер-Перегрин! – возбуждённо сказал он. – Ты что, не узнаёшь её, Генри? Представь её в чёрных очках с толстыми стёклами и хвостом на затылке...

Генри ничего не ответил. Грейсон вздохнул. Ветер прошелестел в ветвях кедра и осыпал меня новыми иголками и шишками. На горизонте вспыхнула молния, и на долю секунды мне показалось, что в тумане мелькнул какой-то образ.

– Ты что, хочешь сказать – эта девчонка действительно существует? – спросил Артур. – И она учится в нашей школе? Ты уверен?

– Да, – усердно закивал Джаспер. – Она новенькая. Смешно, когда я услышал, что она дочка миссионеров, мне сразу подумалось, что она наверняка ещё девственница. Генри, ты ведь тоже с ней говорил. Ты не узнаёшь её?

Генри всё ещё молчал. Они с Грейсоном переглянулись, будто продолжая немой диалог. В небе снова блеснула молния.

– Тогда это знак, – сказал Артур. – Она может быть избранной! Кому-то известно её имя?

Вдали прогрехотал гром.

– Избранная, – повторила я, стараясь вложить в свой тон побольше презрения. – Очень оригинально, правда. Но должна вам признаться, что с этой глыбой... Кто вообще вытолкнул её из-под земли?

Я съехала с гранитного куба и отошла в сторону. У меня было такое ощущение, что Джаспер заглядывает мне под ночнушку. И вообще казалось, что все они осматривают меня с головы до ног. В свете пляшущих языков пламени лица парней высвечивались оранжевым светом, а на коже переплетались тени.

Ну вот, пожалуйста, ещё одна молния. И снова гром, на этот раз ближе.

– Имя мы с лёгкостью узнаем завтра. Младшая сестра Пандоры будет вне себя от радости, если я её об этом спрошу, – Джаспер самодовольно рассмеялся. – Завидев меня, она каждый раз чуть ли не в обморок падает от счастья.

Грейсон что-то пробормотал, но так тихо, что его слова потонули в смехе Джаспера, шелесте листвы и потрескивании пламени.

Артур между тем торжественно поднял вверх палку.

– Мы поняли, Повелитель тьмы. Благодарим тебя за ответ. Мы не разочаруем тебя снова.

– Прости, не хочу тебя расстраивать, Артур, но она совершенно точно не... э-э-э... – сказал Грейсон немного громче. Он потёр лоб, и, как понимаю, это значило, что он смущён. – В том, что она здесь, виноват только я. Её зовут Лив, она дочь папиной подруги. И, кажется... – он запнулся, бросив на меня раздражённый взгляд, – И, кажется, я не могу перестать о ней думать. Мне жаль, что я испортил наш ритуал.

Артур молчал. Он опустил палку, протянул руку, взял прядь моих волос и медленно пропустил её сквозь пальцы. Я содрогнулась.

– Что, правда? – спросил Джаспер. – Подруга твоего папы – миссионерка?

Грейсон снова вздохнул.

Генри задумчиво смотрел на меня.

– Действительно странное совпадение, именно во время ритуала она свалилась ровно в центр круга, Грейсон, – прошептал он, и небо озарила ещё одна молния.

– Простите, – сказал Грейсон и виновато пожал плечами. – Может, нам стоит начать всё сначала?

– Тебе не в чем извиняться, – Артур провёл большим пальцем по моим волосам.

Случись это наяву, я бы давно уже шлёпнула его по руке, но сейчас чувствовала, что почему-то не могу пошевелиться. Этот сон становился совершенно непредсказуемым. Он вот-вот мог перерасти в кошмар, я в этом не сомневалась. И мне это было вовсе не по душе.

– Я не верю в совпадения, – проговорил Артур.

– Я тоже. С тех самых пор, когда... – самодовольное выражение куда-то исчезло, и теперь Джаспер казался испуганным. – ...Случилось сами знаете что, – тихо закончил он. – И если ты знаешь её, Грейсон, тем лучше для нас. Тогда нам будет проще её...

Снова раздался оглушительный раскат грома. Всё, с меня хватит. Надо срочно что-то предпринимать – прежде чем эти мистические кладбищенские игры превратятся в кошмар, из тумана выйдет мой братец Повелитель тьмы и теней и огреет меня шваброй Лотти.

– А ну-ка убери от меня свои лапы, Гендальф несчастный, – энергично заявила я и резко вырвала прядь своих волос из пальцев Артура. – Очень занятно тут у вас, но мне пора. Не хочется, знаете ли, вымокнуть под дождём.

Мои слова должны были прозвучать непринуждённо, но этого, к сожалению, не случилось. Даже тупица Джаспер понял, до чего мне страшно.

Только сейчас я вдруг заметила, какие они все высокие. Метр восемьдесят пять каждый, не меньше, и с каждой секундой они, кажется, выросли ещё больше.

Молния осветила кладбище ярким светом. У меня перехватило дыхание. Огонь по краям пентаграммы снова поднялся выше, и, если прикрыть глаза, казалось, будто из облака тумана в темноте вырастают ноги и руки...

– Хочу вас предупредить, я владею кунг-фу, – сообщила я. Сильный гром снова заглушил мои слова, земля задрожала, я потеряла равновесие и упала. – Ай, – сказала я громко и потёрла своё бедро. Острое кошачье зрение вмиг куда-то исчезло.

Я приземлилась на твёрдую мраморную плиту. Где-то слева от себя я различила расплывчатое бесформенное пятно. Я нащупала его, схватила и поднесла к глазам. Это была одна из идиотских танцовщиц миссис Финчли, которую я засунула себе под кровать, чтобы не наткнуться на неё постоянно взглядом. Но сейчас её расплывающийся вид меня несказанно порадовал.

Я проснулась.

Наконец-то.

Глава девятая

– Отложи сейчас же в сторону планшет Лотти, – сказала мама. – Ты же знаешь, я не терплю подобного во время еды.

– Мне в школе кое-что задали. Вот был бы у меня смартфон, как у всех нормальных людей, я бы уже давно всё нашла.

К нашему с Мией огромному сожалению, у нас были доисторические неуклюжие телефоны, на которых можно было разве что в змейку поиграть и, конечно, позвонить в экстренном случае. Их великодушно отдал нам когда-то папа. Такие бесполезные предметы, просто стыд.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Au Pair – франц. «обоюдный», термин, который применяется для обозначения людей, живущих в чужой стране в принявшей их семье и делающих определённую работу (чаще всего это воспитание детей). – Здесь и далее прим. ред.

2

Спекулос – сорт рождественских пряников.

3

Дирндль – традиционная женская одежда немецкоговорящих альпийских регионов.

4

Кристина Россетти «Страна снов», перевод с англ. Н. Зайцевой.

5

При сомнении – в пользу обвиняемого (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kerstin-gir/zilber-pervyy-dnevnik-snovideniy-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)